

БИБЛІОТИКА

ДУХОВНАЯ.

Соч. М. Антоновскій.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи

НаукЪ, 1798 году.

2

Сочиненіе подъ заглавіемъ: „Библіотика Духовная„. Отъ Санктпетербургской Цензуры напечатать позволяется. Октября 12 дня, 1798 года.

Архимандритъ Антоній.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ

ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

ПАВЛУ ПЕРВОМУ

Всеподданнѣйшее приношеніе.

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЙ

ГОСУДАРЬ!

По начертанію, сдѣланно- му въ книжкѣ ,,Вѣрное Ле- ,,карство отъ предубѣжде- ,,нія умовъ,, которую я предъ симъ осмѣлился посвятить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОР- СКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, из- давая во первыхъ сію *Би- бліотику Духовную*, для усерднаго содѣйствованія Высочайше вводимому отъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ис-

тинному просвѣщенію Подданныхъ, полагаю оную къ Монаршимъ стопамъ,

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всеподданнѣйшій

Михаилъ Антоновскій.

БИБЛІОТИКА
ДУХОВНАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

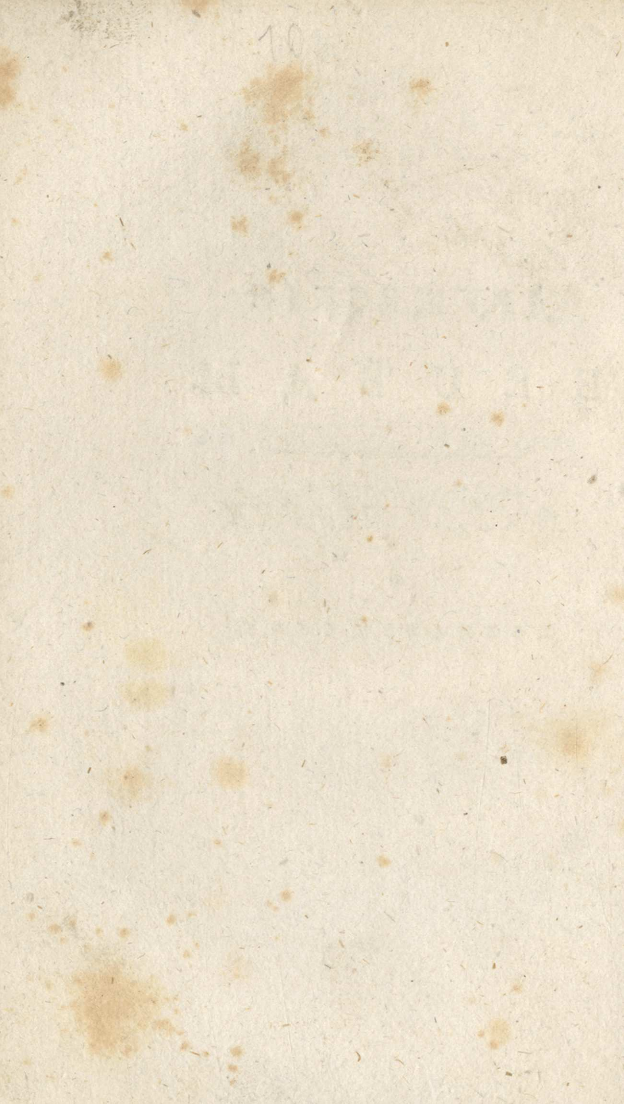
Въ познанїи себя есть истинно блаженство.

ДРУЖЕСКІЯ
БЕСѢДЫ.

Бесѣда первая

о

познаніи себя.

ЛИЦА СОБЕСѢДУЮЩІЯ:

ЛУКА, ЕГО ДРУГЪ, СОСѢДЪ, КОНОНЪ, ФИЛОНЪ, СТАРИКЪ, ПАМВА, АНТОНІЙ, КВАДРАТЪ.

Разговоръ первый.

Лука. Вчера обѣдали мы у моего брата, я и сосѣдъ мой, нарочно для Воскреснаго дня, чтобы поговорить изъ Божіяго Слова. — Столъ былъ въ са-

ду; — случай кѣ разговору подали слова, написанныя вѣ бесѣдкѣ слѣдующія: „*Той сотретъ твого главу, а ты блюсти будешь его пяту*„. — Случились за обѣдомѣ два Ученыхѣ, г. Наваловѣ и г. Самнасовѣ; они много тѣ слова толковали, по прошенію брата моего. — Я непоколебимо вѣрю, что Священное Писаніе есть Райская пища и лекарство моихѣ мыслей; для того сѣтовалѣ я на себя за то, что не могѣ никакаго вкусу чувствовать вѣ тѣхѣ сладчайшихѣ словахѣ! —

Другъ. По чему же ты называешъ сладчайшими словами, не чувствуя въ оныхъ никакаго вкусу?

Лука. Такъ, какъ тотъ, кто изъ дали смотритъ на Райскїе цвѣты, духа не обоняетъ, но только вѣритъ, что дышутъ дивнымъ какимъ-то благовонїемъ.

Другъ. Слушай другъ! хотя бы они подъ самый нашъ носъ дышали, не льзя намъ вкусу чувствовать.

Лука. Для чего? — Развѣ у насъ головы и ноздрей нѣтъ?

Другъ. Головы и ноздрей! — знай, что мы цѣлаго человѣка лишены, и должны

сказать: „*Господи! человѣка не имѣю!*„

Лука. Да развѣ мы не имѣемъ и не видимъ у насъ людей? —

Другъ. Что же пользы имѣть и не разумѣть, кусать и вкусу не имѣть! — Но есть-ли хочешь знать, то знай, что мы такъ видимъ людей, какъ бы кто тебѣ показалъ одну человѣческую ногу, или пяту, закрывъ все прочее тѣло и голову, безъ которой ни какъ узнать человѣка не можно! — Ты и самъ себя видишь, но не разумѣешь и не понимаешь самъ себя; а не разумѣть самаго себя, есть

то же, какъ бы и потерять самаго себя. Естьли въ твоемъ домѣ сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, то въ таковомъ случаѣ точно такъ, какъ бы онаго и не бывало. И такъ познать себя самаго, и сыскать себя самаго, и найти человѣка, значитъ все одно. Но ты себя не знаешь, и человѣка не имѣешь, въ которомъ находятся очи, ноздри, слухъ и прочїя чувства: какъ же можешь чувствовать Божїе Слово? — Какъ можешь твоего друга вѣдать и разумѣть, естьли самъ себя не

разумѣешь и не имѣешь! — Слушай, что говоритъ Истинный Человѣкъ къ тому, кто хощетъ его снискать и увидѣть! — „*Аще не увѣси самую тебя, о добрая въ женахъ! изыди ты въ пятахъ паствъ, и паси козлища твоя у кущей Пастырей*„. — Пѣсни Пѣсней.

Лука. Какъ же это? — Вѣдь я вижу руки, ноги и все мое тѣло!

Другъ. Ты ни чего не видишь, и во вся не знаешь о себѣ! —

Лука. Жестокъ твой замыслъ сей и очень колокъ! — Не можно мнѣ его ни какъ разумѣть!

Другъ. Я вѣдь тебѣ говорилъ уже, что не можешь вкусу имѣть!

Лука. Такъ что же я вижу въ себѣ? — Скажи пожалуй!

Другъ. Ты въ себѣ видишь то, что ни что, и слѣдовательно ни чего не видишь.

Лука. Замучилъ ты меня! — Какъ же я не вижу въ себѣ ни чего? —

Другъ. Ты видишь въ себѣ одну землю; но симъ самымъ ни чего не видишь; по тому, что земля и ни что все то одно; иное видѣть тѣнь дуба, а иное видѣть самое дерево точное; — и такъ ты видишь одну

только тѣнь свою, просто сказать, пустошь свою и ни что, а самаго себя ты отъ роду не видалъ.

Лука. Боже мой! Отъ куда такїя странныя мысли? — Ты наговоришь, что у меня ни ушей, ни очей нѣтъ!

Другъ. Я ужѐ давно сказалъ, что тебя всего нѣтъ! —

Лука. Какъ же? Развѣ очи мои не очи? и уши не уши? —

Другъ. Спрошу же и я тебя, скажи! Пята твоя и голова, все ли одно? —

Лука. Пята моя есть послѣдняя часть въ тѣлѣ, а голова начало! —

Другъ. Очень хорошо гово-

ришь! И такъ я тебѣ твоимъ же отвѣтомъ отвѣчаю, что сїе твое, око есть пята, или хвостъ, въ твоемъ окѣ!

Лука. А самое точное око, главное и начальное, гдѣ?

Другъ. Я вѣдь тебѣ говорилъ, что ты хвостъ только свой видишь, а головы не знаешь! — Такъ можно ли узнать человѣка съ одной его пяты? — Но какъ ока твоего не видишь, кромѣ послѣдней его части, такъ ни уха, ни твоего языка, ни рукъ, ни ногъ твоихъ ты ни когда не видалъ, нижѐ другихъ частей тво-

его тѣла цѣлаго, кромѣ последней его части, называемой пята, хвостъ, или тѣнь; — и такъ можешь ли сказать, что ты себя узналъ? — Ты самъ себя потерялъ! Вѣдь у тебя ни ноздрей, ни ушей, ни очей, ни всего тебя нѣтъ, кромѣ одной твоей тѣни!

Лука. Для чего же ты меня тѣнью называешь? —

Другъ. Для того, что ты потерялъ истину своего существа; а во всемъ твоемъ тѣлѣ наблюдаешь пяту, или хвостъ, минуя твою точность, и потерявъ главность.

Лука. Да по чему же ты мои члены хвостомъ зовешь? —

Другъ. По тому, что хвостъ есть последняя часть; она последуетъ головѣ, а сама собою ни чего не начинаетъ.

Лука. Ты мучишь меня, любезный другъ! — Можетъ быть оно и такъ, какъ ты говоришь: но ты уничтоживъ мои мнѣнія, своихъ мыслей не открываешь.

Другъ. Послушай, мой милый! Признаюсь, что можетъ быть я и самъ точно не знаю; а естьли тебѣ понравятся мои мысли, то я тебѣ открою оныя. Ты вѣдь безъ сомнѣнія

знаешь, что называемое ними око, ухо, языкЪ, руки, ноги и все наше внѣшнее тѣло само собою ни чего не дѣйствуетЪ, и ни вЪ чемЪ не виновно; — ибо порабощено мыслямЪ нашимЪ! — Мысль, владычица его, находится вЪ непрерывномЪ волнованіи день и ночь; — она-то разсуждаетЪ, совѣтуетЪ, дѣлаетЪ опредѣленія, понуждаетЪ; — а крайняя наша плоть, какЪ обузданный скотЪ, или хвостЪ, по неволѣ ей послѣдуетЪ. — И такЪ видишь, что мысль есть главною нашею точкою и сре-

дином, а по сему-то она часто и сердцемъ называется; — слѣдовательно не внѣшняя плоть наша, но наша мысль есть главный нашъ человѣкъ; — въ оной-то мы состоимъ, и она есть нами.

Лука. Вотъ сему я вѣрю! — Я примѣтилъ, что естьли я не мышлю [отъ селѣ стану называть себя мыслею], то безъ меня мое око ничего и въ самой близости видѣть не можетъ — ; что же оно за такое око, естьли видѣть не можетъ? — Ты хорошо назвалъ оное не окомъ, а тѣнью точнаго ока! — Благодарствую, что

ты мнѣ меня нашелъ! — Слава Богу! Я теперь очи, уши, руки, ноги, языкъ и все имѣю! — Потерялъ я старое, а нашелъ новое! — Прощай моя тѣнь! — Здравствуй вожделѣнная Истина! — Ты буди мнѣ Обѣтованною Землею! — Полно быть мнѣ работникомъ, плѣнникомъ, рабомъ! — А о семъ я ни когда и не думалъ! — Куда полюбилось мнѣ сїе мнѣнїе! — Пожалуй подтверди мнѣ оное! Ибо желаю имѣть оное неколебимымъ! —

Другъ. Пожалуй не торопись! — Кто скоро прилѣ-

пляется къ новому мнѣнію, тотъ скоро и отпадаетъ онаго! — Изпытуй опасно всякое слово, и въ то ужѐ время давай оному мѣсто въ сердцѣ твоемъ! — Я и самъ сіе мнѣніе не сказанно люблю, и желаю, чтобы оное было на вѣки твоимъ, — дабы сердце и мысль была въ насъ одна, чего ни что не можетъ быть сладостнѣе! — Но пожалуй обдумай прежде хорошенько, по томъ въ радости и простотѣ сердца принимай! — Буди простъ, но при томъ и остороженъ! — Естьли мое мнѣніе тебѣ нравится,

то знай, что оное не есть мой вымыселЪ. Взгляни на Іеремію вЪ главѣ 17, стихѣ 9! — *Глубоко сердце Человѣку паче всѣхЪ, и ЧеловѣкЪ есть, и кто познаетЪ его?*

Лука. Боже мой! увидя мысль Іереміи, я самаго его узрѣлЪ.

ДругЪ. И такЪ, ежели теперь имѣешь очи и уши, то примѣчай! — Чувствуешь ли? —

Лука. Чувствую, другЪ мой! ПророкЪ называетЪ ЧеловѣкомЪ сердце!

ДругЪ. А кромѣ того, что еще примѣчаешь?

Лука. То, что глубоко серд-

це и утаенная мыслей нашихъ бездна, все то одно. Но удивительно! какъ возможно, что Человѣкъ есть не внѣшняя и крайняя его плоть, какъ Народъ разсуждаетъ? — А глубокое сердце, или мысль его, есть самымъ точнымъ Человѣкомъ и главою, внѣшняя же его наружность есть не иное что, какъ тѣнь, пята и хвостъ.

Другъ. Вотъ ужѐ и начинаешь упадать! — Легко ты съ начала повѣрилъ, и для того скоро стала оскудѣвать вѣра твоя! — Что въ мигъ возпламеняется, то въ

мигъ и угасаетъ! Но твердое дѣло косностїю укрѣпляется, по тому, что совѣтъ не бываетъ безъ медленности. Земля прилипчива! Не въ другъ можно вырвать ногу изъ клейкихъ плотскихъ мнѣнїй! Онито въ насъ вкоренившись, называются повѣрьями плотскаго нашего житїя, и плотская мысль началомъ и источникомъ есть. По земли ползаемъ, плоти желаемъ, грязную пяту нашу наблюдаемъ, и бережемъ око сердца нашего, совѣтъ нашъ. Но кто намъ сотретъ главу змї-

ину? — Кто выколетъ враново око, вперившееся въ ночь? — Кто намъ уничтожитъ плоть? — Гдѣ Финесъ, пронзающій блудницу? Гдѣ ты мечь Іеремїевъ, опустошающій Землю? — Но сыскалъ Богъ мудраго противъ мудраго — змїя на змїя — сѣмя противъ сѣмени — землю въ мѣсто земли — рай въ мѣсто ада — въ мѣсто мертваго живое — въ мѣсто лжи правду свою. — Се Спаситель твой грядетъ, имѣяй съ собою воздаянїе....!

Лука. Говори, пожалуй, яснѣе! — Ни чего не понимаю!

Другъ. Но кто вкусъ можетъ чувствовать, не имѣя вѣры? *Вѣра*, свѣтъ во тьмѣ видящая; *Страхъ Божій*, плоть прободающій; *Любовь Божія*, крѣпка, какъ смерть: вотъ единственная дверь къ райскому вкусу! — Можешь ли вѣрить, что чистѣйшій духъ весь пепелъ плоти твоей содержитъ? —

Лука. Вѣрую, но самъ чувствую слабость вѣры моей! Пособи, ежели можешь, выдраться изъ грязи невѣрія! — Признаюсь, что сіе слово, *Вѣра*, въ грязныхъ моихъ устахъ пред-

ставляется одною мечтою, и я вѣ оной ни какого вкусу не чувствую.

Другѣ. О бѣдный и безплодный человѣче! — Знай же, что Вѣра смотритѣ на то, чего пустое твое око видѣть не можетѣ.

Лука. Что за око такое пустое?

Другѣ. Сказано ужѐ, что плоть пустошь!

Лука. Да я вѣ цѣлой поднебесной ни чего другаго не вижу, кромѣ видимости, или, по твоему сказать, плотяности, плоти!

Другѣ. Такѣ по етому ты

невѣрный, язычникѣ и идолопоклонникѣ!

Лука. Какѣ! идолопоклонникѣ! Тогда, какѣ вѣрую во единаго Бога?

Другѣ. Какѣ же ты вѣруешь, ежели, кромѣ видимости, ни чего не видишь? — Вѣдь Вѣра пустую видимость презираетѣ, а опирается на то, что вѣ пустоши головою, силою и основанїемѣ, и ни когда не погибаетѣ.

Лука. Такѣ по етому другое око надобно, чтобы провидѣть еще и невидимость?

Другѣ. Скажи лучше, что

для тебя надобно истинное око, дабы ты могъ Истину въ пустоши усмотрѣть! А старое твое око ни куды не годится. — Пустое твое око смотритъ во всемъ на пустошь! — Но естьли бы ты имѣлъ истиннаго въ себѣ Человѣка, то его окомъ могъ бы ты во всемъ усмотрѣть Истину! —

Лука. Какъ же нажить сего Человѣка?

Другъ. Когда ты его узнаешь, тогда и получишь его!

Лука. Да гдѣ же онъ? — Но прежде отвѣчай, для чего ты, заговоривши о Вѣрѣ,

теперь говоришь ужѐ обѣ окѣ? —

Другъ. Истинное око и Вѣра все то одно! —

Лука. Какѣ такѣ?

Другъ. Такѣ, что истинный Человѣкѣ имѣетѣ истинное око, которое по тому, что, минуя видимость, усматриваетѣ подѣ оною невидимость, и на оной опочиваетѣ, называется Вѣрою; а вѣровать и положиться на что, какѣ на твердое основанїе, все то одно.

Лука. Естьли находишь во мнѣ два ока, то и двухѣ человѣкѣ!

Другъ. Конечно такъ!

Лука. Для меня довольно и одного, не для чего двухъ!—

Другъ. Взгляни на ето дерево! — Когда сего дуба не станетъ, то останется ли тѣнь онаго?

Лука. Я вѣдь не тѣнь, но осязаемый корпусъ или тѣло!

Другъ. Ты-то и тѣнь, по тому и тьма и тлѣнь! — Ты сонїе истиннаго Человѣка! — Ты риза, а онъ тѣло; ты привидѣнїе, а онъ въ тебѣ Истина; ты-то ни что, а онъ въ тебѣ существо; ты грязь, а онъ твоя красота, образъ и чертежъ; не твой образъ, и не

твоя красота; понеже не отъ тебя, да только въ тебѣ, и тебя содержитъ! — О прахъ и ни что! — А ты его по туда не узнаешь, пока не признаешься со Авраамомъ въ томъ, что ты земля и пепелъ. — Но теперь кушай землю, блюди пяту свою, ползай по земли! — О сѣмя змїино и тѣнь безбытная! — Прїидетъ тотъ обѣщанный Богомъ день, въ который благословенное чистой души Слово уничтожитъ сей твой совѣтъ лукавый!

ТѢ же и КОНОНЪ.

Разговор второй.

Кононъ. Ты правду говоришь!—Однако г. Самнасовъ сколько ни велерѣчивъ, но я въ немъ вкусу не нахожу! — Пойдемъ опять къ нашему другу! — Слова его ѣдки, но не знаю, какъ-то пріятны! —

Лука. Да вотъ онъ и самъ къ намъ. . . . . !

Другъ. Тѣни мертвыя! здравствуйте!

Лука. Здравствуй мысль, духъ, сердце! — Вѣдь сеѣвой Человѣкъ? — Переска-

зали мы тво и мысли нашимЪ Книгочїямъ; они говорили, что долженЪ ты свое мнѣнїе вЪ НатурѢ показать.

Другъ. Я не умѣю.

Кононъ. КакЪ сего не умѣть! должно тебѢ показать, что не только вЪ одномЪ человѣкѢ невидимость первенствуетЪ, но и вЪ прочихЪ тваряхЪ!

Лука. ТакЪ точно! — За тѣмЪ мы кЪ тебѢ и пошли!

Другъ. А вы по нынѢ сего не знаете? —

Лука. Конечно ты долженЪ ето доказать!

Другъ. Вѣрите ли, что есть Богъ?

Лука. Его невидимая сила вся изполняетъ, какъ сїе читаемъ въ молитвѣ: *Царю небесный — иже вездѣ Сый, и вся изполняяй!* — да и въ другомъ мѣстѣ: *Святымъ Духомъ всякая душа живится*, и проч.

Другъ. Такъ чего же еще ты требуешь? — Ты ужѐ самъ доказалъ! —

Лука. Какъ доказалъ?

Другъ. Когда говоришь, что не видимая Сила вся изполняетъ, такъ не все ли будетъ одно, что невидимость въ тваряхъ первен-

ствуетѣ? — И что, какѣ ты уже самѣ назвалѣ, невидимость во всей вселенной есть глава, а видимость хвостѣ? —

Лука. Возьми что ни будь изѣ вселенной для примѣра и изъясненія! —

Другѣ. Я тебѣ всю подсолнечную и всѣ Коперниковы міры представляю! — Возьми изѣ оныхѣ, что хочешь! — А что вы говорите, показать вѣ Натурѣ; то должно было сказать: изѣясни намѣ притчами или примѣрами и подобіями то, что человѣкѣ состоитѣ не во внѣшней сво-

ей плоти и крови, но мысль и сердце его есть истинный Человѣкъ! — Взгляни на сїю стѣну! — Что ты на оной видишь?

Лука. Вижу написаннаго Человѣка! Онъ стоитъ на змїи, раздавивъ ногою голову змїину! —

Другъ. Ты вѣдь живопись видишь?

Лука. Да! живопись!

Другъ. Скажи же, что ты живописью называешь? — Краски ли, или закрытый красками рисунокъ? —

Лука. Краска не иное что, какъ прахъ и пустошь! Но сила вся состоитъ въ ри-

сункѣ или размѣрѣ и расположенiи оныхЪ! — И ежели сего нѣтЪ, то краска останется грязью и дрянью пустою!

Другъ. Что же еще ты при сей живописи видишь? —

Лука. Вижу надпись изЪ Библiи! Слушайте, я стану слова сiи читать! „*Мудраго очи его во главѣ его, очи же безумнаго на концѣхъ земли!* —

Другъ. Ну! естьли кто краску на словахЪ видитЪ, а письменЪ прочитать не можетЪ, таковый видитЪ ли письмена? — КакЪ тебѣ кажется? —

Лука. Таковый плотянымъ окомъ своимъ видитъ одну последнюю пустошь, или краску въ словахъ, но самыхъ фигуръ въ письмѣ не разумѣетъ, и видитъ одну пяту, а не главу! —

Другъ. Ты право судилъ! Такъ по сему, ежели ты видишь на нашей церькви кирпичь и известь, а плана или чертежа ея не понимаешь: видишь ли и знаешь ли, въ чемъ состоитъ твердыня оной? — Какъ ты думаешь? —

Лука. Ни мало! — Въ такомъ случаѣ, я бы одну только крайнюю и послѣд-

вяюю наружность оной видѣлъ, и слѣдовательно не больше, какъ и безсловесная скотина; но не разумѣя соразмѣру ея, который есть всему веществу связь, голова и красота, я бы въ сущности не видѣлъ ея! —

Другъ. Добрый твой судъ! сложи же теперь на щетахъ всю сумму или толщу!

Лука. Какъ ето?

Другъ. А вотъ какъ! — Что въ краскахъ рисунокъ, то въ письменахъ фигура или образъ, а въ строенiи планъ или чертежь! — И такъ,

чувствуеши ли, что всѣ сіи головы, яко: рисунокъ, образъ, чертежъ и размѣръ не иное что суть, какъ мысли? —

Лука. Кажется, что такъ!

Другъ. Такъ для чего же ты не постигаешь, что и въ прочихъ тваряхъ столько же своя невидимость первенствуетъ, сколько и въ человѣкѣ своя? — и сіе разумѣть должно и о травахъ, деревахъ и о всемъ прочемъ! — Но *очи безумнаго на концахъ земли!* — И наше око блюдетъ пяту, останавливаешся на послѣдней наруж-

ности, минуя силу, начало и голову! — И такЪ хотя бы мы одно бездушное тѣло были, то вЪ такомЪ случаѣ столь же мало понимали бы мы себя! —

Лука. Для чего?

Другъ. Для того, что, почитая вЪ тѣлѣ нашемЪ наружный прахЪ такЪ, какЪ кирпичное вещество, не поднималися бы мыслїю вЪ чертежЪ, содержащїй слабую сїю персть, сирѣчь, вЪ самый духЪ нашЪ, вдунутый отЪ Вышняго вЪ Адама, а по тому и не чувствовали бы вкусу вЪ сихЪ словахЪ Божїихъ,

возвышающихъ наше понятіе, по земли ползающее, къ познанію истиннаго нашего бытія и тѣла, а именно: *Не бойся, Іакове!* — *Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя!* — Но поступимъ повыше! —

Кононъ. Мы повыше поступить еще не хотимъ, а сомнѣніе имѣемъ и желаемъ хорошенько узнать то, что ты называешь истиннымъ тѣломъ! — Намъ дивно, что. . . .

Другъ. Что такое дивно? — Не сказано ли отъ Апостола Павла: *есть тѣло душевное, и есть тѣло*

духовное? — и еще: *въ онъ же день сотвори Богъ Адама, по образу Божію сотвори его.* — *Самъ же Богъ міра да освятитъ васъ всесовершенныхъ — ваши духъ и душу и тѣло!* — вотъ вамъ и истинное тѣло — ! *Но мудраго очи во главѣ его; очи же безумнаго на концахъ земли!*

ТѢ же и ФИЛОНЪ.

Разговоръ третій.

Кононъ. Ахъ! перестань пожалуй! — Не сомнѣвайся! —

Онъ человѣкъ добрый, и ни чьею не гнушается дружбою! Мнѣ твое доброе сердце извѣстно; а онъ ничего, кромѣ сего, и не желаетъ больше. —

Филонъ. Я знаю многихъ Ученыхъ! — Они горды, не хотятъ и говорить съ Поселяниномъ!

Кононъ. Пожалуй же повѣрь!

Другъ. О чемъ у васъ споръ?

Кононъ. Ба! А мы нарочно къ тебѣ! — Вотъ мой и товарищъ! Пожалуй не прогнѣвайся!

Другъ. За что? — Человѣкъ зритъ на лице, а Богъ смотритъ на сердце! — Да Лука гдѣ? —

Кононъ. Не можетъ понять твоихъ рѣчей! — Онъ прилѣпился къ г. Самнасову, при вчерашнемъ разговорѣ; а намъ твои новенькія мысли. . . .

Другъ. О чемъ была рѣчь?

Кононъ. Помнишь ли? Филонъ!

Филонъ. Помню! Рѣчь была о безднѣ!

Кононъ. Да, да! Вотъ слова: *и тьма верьху бездны!* —

Филонъ. По томъ споръ былъ о какихъ-то старыхъ и новыхъ мѣхахъ и о винѣ.

Кононъ. Одинъ спорилъ, что

безднoю называется небо, на которомъ плаваютъ планеты безчисленныя; а г. Наваловъ кричитъ, что восточная бездна Океанъ великїй. — Иный клялся, что чрезъ то значится жена; иный толковалъ ученїе и прочая и прочая.

Другъ. Естьли хотимъ измѣрять небо, землю и моря: должны во первыхъ измѣрить самихъ себя, со Св. Павломъ собственною нашею мѣрою; но естьли нашей, вънутри насъ, мѣры не сыщемъ, то чѣмъ можемъ измѣрить? А не измѣрявъ себя прежде, что

пользы знать мѣру въ прочихъ тваряхъ! — Да и возможное ли то дѣло, чтобы, будучи въ своемъ дому слѣпымъ, можно было быть прозорливымъ на площадяхъ! — Можетъ ли сыскать мѣру, не разумѣющій, что есть мѣра? — Можетъ ли мѣрить, не видя земли? — Можетъ ли видѣть ее, не видя главы ея? — Можетъ ли усмотрѣть голову и силу ея, не сыскавшій и не уразумѣвшій головы своей въ себѣ самомъ? — Голова головою, а сила понимается силою! —

Кононъ. Не можно ли поговорить простѣе? —

Другъ. Измѣрять и узнать мѣру, все то одно! — Есть-ли бы ты долготу и широту церькви измѣрялъ саженью или веревкою, то узналъ ли бы ты мѣру оной? — Какъ тебѣ кажется? —

Кононъ. Не думаю; по тому, что я узналъ бы одно только пространство вещества ея, а точную ея мѣру, содержащую матеріалы, въ то время узнаю, когда понимаю планъ ея.

Другъ. Такъ по етому хотя бы ты всѣ Коперников-

скїе мїры перемѣрялъ, а плана, который всю внѣшность содержитъ, не узналъ бы: то изъ него ни чего бы не вышло.

Кононъ. Я думаю, что какъ внѣшносшь есть пустое, такъ и мѣра ея.

Другъ. Но кто можетъ узнать планъ въ земныхъ и небесныхъ веществахъ, прильнувшихъ къ вѣчному своему размѣру, естьли онаго прежде не могъ усмотрѣть въ ничтожной плоти своей? — По сему чертежу все на все создано или слѣплено, и безъ онаго ни что держаться

не можетъ! — Онъ всему веществу цепь и веревка; онъ-то есть рука десная, перстъ, содержащїй всю персть, и пядь Божїя, весь тлѣнъ измѣрившая, какъ и самый ничтожный въ разсужденїи его составъ нашъ. — Совѣты и мысль его есть чертежъ, простершїйся не чувствительно по всему веществу, и есть всесодержащимъ и изполняющимъ! — Сїя-то есть глубина богатства и премудрости его! — И что можетъ обширнѣе разлитися, какъ мысли? — О сердце, бездна всѣхъ водъ и не-

бесѣ ширшая! — Сколь ты глубоко все обѣемлешь и содержишь а тебя ни что не вмѣщаетѣ! —

Кононѣ. Правду сказать, я помню слова Іереміи сіи: „*Глубоко сердце человѣку „паче всѣхѣ, и оно-то точ- „ный Человѣкѣ есть*„! —

Другѣ. Вотѣ сей же-то Человѣкѣ содержитѣ вѣ тебѣ все! Онѣ утверждаетѣ плотскія твои руки и ноги; онѣ голова и сила очей и ушей твоихѣ! — А есть-ли ты ему повѣрить можешь: *не потемнѣютѣ очи твои, и не изтлѣютѣ уста твои во вѣки вѣковѣ!*

Кононъ. Я вѣрю, и понуждаю сердце мое въ послушанїе Вѣры. Но не можно ли хотя маленько подкрѣпить меня? — Прошу не гнѣваться! — Чѣмъ выше въ понятїе невидимости войду, тѣмъ крѣпче будетъ моя Вѣра.

Другъ. Справедливо требуешь! — Для того, что Богъ отъ насъ ни молитвъ принять не могъ, ни жертвъ, когда мы его не знали. — Люби его, и приближайся къ нему всегда! — Сердцемъ и познанїемъ приближайся, не внѣшними ногами и устами! — Сердце

твое есть голова внѣшностей твоихъ, а когда голова, то самъ ты еси твое сердце! Но естьли не приближишься и не сопряжешься съ Тѣмъ, Который есть твоей головы головою: то останешься мертвою тѣнью и трупомъ! Когда есть тѣло надъ тѣломъ, то и голова есть надъ головою, и выше стараго новое сердце! — Итакъ не стыдно ли намъ, и не жалки ли ужѐ мы, когда Богъ суда себѣ отъ насъ проситъ и не получаетъ! —

Кононъ. Возможно ли! — Какъ такъ?

Другъ. Соперники его Идо-лы и Кумиры! сихъ-то мы, сидя Судіями, оправдываемъ на судѣ.

Кононъ. Ужасная обида! — Но я оной не понимаю! —

Другъ. Ты не понимаешь? — Вотъ самъ тотъ часъ будешь Судьею противъ Него! —

Кононъ. Страшусь! — Но пожалуй подкрѣпи мнѣ невѣріе мое о безсмертномъ тѣлѣ! — Любы мнѣ твои слова сіи: *не отемнѣютъ очи твои!*

Другъ. Естьли бы твое внѣшнее или скотское тѣло осталось не вредимымъ

чрезъ тысячу лѣтъ, то любезно ли бы тебѣ было оное?

Кононъ. Сему статься не льзя; но естьли бы сїе возможно было, то не льзя не любить!

Другъ. Знай же, что ты себя самаго ни мало еще не узналъ!

Кононъ. Я по крайней мѣрѣ узналъ, что тѣло мое на вѣчномъ планѣ основано, и вѣрю симъ обѣщанїямъ Божїимъ: *Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя!*

Другъ. Естьли бы ты въ строенїи какаго дому чер-

тежъ узналъ и силу стѣнъ онаго: то довольно ли бы было сего къ совершенному познанію того дому?

Кононъ. Не думаю! а кажется, надобно знать еще и то, для какихъ совѣтовъ или дѣлъ тотъ домъ построенъ! Богамъ ли въ ономъ жертву приносить? или не видимому Богу? — Разбойничье ли то жилье? или Ангельская Обитель?

Другъ. А мнѣ кажется, что ты не довольно понимаешь! — На примѣръ, какъ сосудъ глиняный! естьли ты разумѣешь одну фигуру онаго вылѣпленную изъ

грязи, не зная при томъ, чѣмъ оный наполненъ: въ такомъ случаѣ, ты все еще не знаешь онаго совершенно.

Кононъ. Теперь понимаю, что тѣло мое есть то же, что стѣны храма, или то, что въ сосудѣ черепъ, а сердце и мысли мои то, что въ храмѣ жертвоприношенїе, или то, что въ сосудѣ вода, и какъ стѣны менѣе важны, чѣмъ жертвы, по тому что оныя, выстроены для жертвъ, а сосудъ скудельный для воды, такъ и тѣло мое маловажнѣе души, мыслей и

сердца моего; по тому, что оное создано для души.

Другъ. Но скажи мнѣ! — Тогда, какъ смерть разлучаетъ душу нашу съ тѣломъ, и когда оное разрушается, со всѣмъ ли погибаетъ оное?

Кононъ. Ето и ребенокъ знаетъ! — Конечно ужè онагò не станетъ, какъ скоро. . . .

Другъ. Не радуйся! Заблудилъ ты отъ Господа Бога твоего! — Не ужè ли ты ни когда не слыхалъ отъ Пророковъ, что Богъ имѣетъ прю, тяжбу, судъ

съ соперницею своею землею?

Кононъ. Да кто можетъ Бога судить?

Другъ. Ты и самъ теперь выходишь одинъ изъ тѣхъ Судей Его, которые искъ его не правятъ! — Ты на него изрекъ судъ!

Кононъ. Какъ ето?

Другъ. Кто неправеднаго оправдалъ, тотъ безъ сомнѣнія обидѣлъ праведнаго, тяжущагося съ неправеднымъ; — оправдать же обоихъ ни какъ не льзя! — Таковъ-то Судія, какъ ты, былъ оный Ефремъ, котораго одинъ изъ Пророковъ

называетъ „*голубемъ бе*„*зумнымъ* , *лишеннымъ* „*сердца*„. — Да и не дивно! По тому, что [по сказанію того же Пророка] на подобіе печи, огнемъ разженной, разпалилися всѣ Судіи страстію къ видимости, — и всѣ Народонаставники слеглись съ землею такъ, что ни одного не было, который бы пріятенъ былъ Богу.

Кононъ. Умилосердись, скажи! Какой я судъ произнесъ на Бога?

Другъ. Влюбясь въ землю, ты отдалъ ей, по суду тво-

ему то, что одному Богу принадлежитъ.

Кононъ. Не понимаю!

Другъ. Слушай! голубь' темноокїй! — Не Божїя ли есть сила? — Не Господня ли крѣпость? —

Кононъ. Да кто же объ этомъ споритъ?

Другъ. Какъ же ты смѣлъ сказать, что, по разрушенїи тѣла, со всѣмъ погибаетъ оное? — Гдѣ же основанїе онаго, ежели не въ планѣ Божїемъ? — А ты, стало быть, основываешь оное на прахѣ, на ничтожествѣ! — Какая можетъ быть твердыня въ томъ,

что всеминутно подвержено разпаденїю и перемѣнѣ? — Не перстъ ли не видимый Божїй содержитъ въ стѣнахъ тѣла твоего прахъ? А по сему, когда вѣчное и главное начало ихъ есть не разрушимо, то, уничтожая ихъ, не возвеличилъ ли ты хвостъ предъ главою? — Ибо ты оныя токмо видѣлъ и судилъ, а начала ихъ и видѣть не хотѣлъ. — И такимъ образомъ предположительно присудилъ тлѣну невредимость, праху твердость, Кумиру Божество, тьмѣ свѣтъ, смерти животъ! —

Вотъ лукавое лукаваго змія око, любящее пяту, а не голову, Христа Іисуса, который есть всяческая во всемъ! — Не ты ли сказалъ, что не льзя не любить тлѣннаго тѣла, ежели бы оное чрезъ тысячу лѣтъ не вредимо было? — Какъ же можешь ты сказать, что ты по крайней мѣрѣ узналъ твое тѣло? — Да и къ чему хвалишься сими Божіими словами: *„Се на рукахъ моихъ на„писахъ стѣны твоя, и „предо мною еси всегда„?* — Можетъ ли тлѣнъ стоять всегда, то есть, вѣч-

но! — Можетъ ли не достойное честнымъ быть, а тьма свѣтомъ, и зло добромъ? — Не все ли то одно, ввѣрить себя праху ногъ своихъ, и положиться на серебренный Кумиръ? — Все то Идолъ, что видимое; все то безчестное, что тлѣнное; все то тьма и смерть, что преходящее! — Смотри на земленность плоти твоей! — Вѣришь ли, что въ семъ твоемъ прахѣ зарыто сокровище, то есть, таится въ ономъ невидимый перстъ Божій, содержащій прахъ твой? —

Кононъ. Вѣрю.

Другъ. Ахъ! когда бы ты вѣрилъ, ты бы ни когда не говорилъ, что тѣло твое пропадаетъ при разсыпанїи праха твоего! — Ты видишь одно скотское въ тебѣ тѣло, не видишь тѣла духовнаго, не имѣешь жезла и духа къ двойному раздѣленїю, и не чувствуешь вкусу въ тѣхъ Божїихъ словахъ: „*аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста моя будешь*„! —

Кононъ. Не понятно мнѣ то, какимъ образомъ присудилъ я кумиру Божество, а животъ тому, что мер-

твое? — Слыхалъ я, что погибшїй тотъ, кто называетъ свѣтъ тьмою и горькое сладкимъ! —

Другъ. Не удивляйся, другъ мой! — Мы всѣ любопрахи! Кто только влюбился въ видимость плоти своей, тотъ не можетъ не гоняться за видимостїю во всемъ небесномъ и земномъ пространствѣ! — Но для чего онъ ее любитъ? — Не для того ли, что усматриваетъ въ оной свѣтлость, прїятность, жизнь, красу и силу? —

Кононъ. Конечно для того!

Другъ. Такъ не все же ли

равно, почитать Идола живымЪ, и присудить ему жизнь, когда ему истребиться должно? — МнѢ кажется, сїе одно и то же, что и почитать горькое сладкимЪ, и присудить медовой сладости желчную горесть! — Но можно ли меду присудить горечь, безЪ обиды? — ВотЪ какимЪ образомЪ собираемся мы на Господа и на Христа его! — ОнЪ вопїетЪ: *моя крѣпость и сила!* — *Во мнѣ путь, Истина и животЪ!* — А мы судимЪ, что это все принадлежитЪ внешней плоти и плотской

внѣшности, и сей судъ нашъ не сомнѣнно подтверждаемъ таковымъ же предъ людьми и житїемъ нашимъ.

Кононъ. Вижу теперь вину мою, и ужасаюся страшной тьмы, покрывающей очи наши! — Толико вопїютъ Пророки: духъ, духъ! Богъ, Богъ! всяка внѣшность трава, тѣнь, ни что! — а мы ропщемъ, тужимъ, естьли плоть наша увядаетъ, слабѣетъ, и прахъ преходитъ ко праху! — Можно ли сыскать упрямѣйшихъ и жестоковыйнѣйшихъ несчастливцовъ? —

Другъ. Сему и я часто удивляюсь! — Но теперь, думаю, понимаешь, что-то за судъ, котораго толь ревностно и единственно отъ насъ требуетъ Богъ чрезъ Пророковъ? — Какъ же можемъ мы не дать предпочтенія на судѣ Христу Іисусу? — Онъ первый сирота; ибо всѣ Его оставили; онъ первый нищій; ибо все у Него отняли, — и всѣ, оставя свѣтъ, устремились, побѣжали за тьмою! . . .

Кононъ. Но отъ куда въ насъ проклятое сіе сѣмя раждается? — Естьли зе-

мля проклята, то и любовь кЪ оной!

Другъ. Хорошо называешь мысли сѣменемЪ! — Сѣмя есть началомЪ плодовЪ; а совѣтЪ вЪ сердцѣ, голова нашихЪ дѣлЪ! Но понеже сердце наше есть истиннымЪ ЧеловѣкомЪ, то и видно, кого Премудрость Божїя называетЪ сѣменемЪ и чадами змїиными! — Сїи люди любятЪ землю, а они суть пята и подножїе и тѣнь Божїя. — По сей-то причинѣ ни чѣмЪ не сыты! — БлаженЪ, вЪ чьемЪ сердцѣ проклятая голова сїя разбита, разда-

влена! — Она-то насъ вводитъ въ мечтательныя сладости, но сущія горести! — Но отъ куда сей змій зараждается въ сердцѣ, ты спрашиваешь? —

Кононъ. Желалъ бы я знать!

Другъ. Отъ куда злое сѣмя на грядахъ огородныхъ? — Вездѣ полно всякихъ сѣменъ, вездѣ полно всякихъ совѣтовъ! — Не убережешься, чтобъ не родилось! — Но что дѣлать должно? — *Сыне! храни сердце твое!* Стань на стражѣ со Аввакумомъ! — *Знай себя!* Смотри себя, будь въ дому твоемъ! Береги себя,

слушай! Береги сердца! —

Кононъ. Да какъ себя беречь?

Другъ. Такъ, какъ ниву! — Выполи, или вырывай изъ мыслей твоихъ совѣтъ лукавый!

Кононъ. Что же есть совѣтъ злый, лукавый?

Другъ. Любить и оправдывать во всякомъ дѣлѣ пустую внѣшность, или пяту!

Кононъ. Скажи простѣе!

Другъ. Не вѣрь, что рука твоя согниваетъ; а вѣрь, что она вѣчна! — одна тѣнь ея, а не истинная рука, изтлѣваетъ.

Кононъ. Ето чудныя мысли!

Другъ. Конечно чудныя! по тому, что для тебя новыя! — Но естьли содержанїе твоея руки присудишь плотскому тѣлу, а не Божїей невидимости: то будешь старымъ мѣхомъ, надутымъ бездною мыслей непросвѣщенныхъ до толѣ, до колѣ возможешь сказать: *Богъ рекїй изъ тьмы свѣту возсїяти!* — А сїе случится при сотворенїи новаго неба и земли —!

ЛИЦА ТѢ же.

Разговор четвертый.

Лука. По етому весьма не легкое дѣло узнать себя! — Я долго разсуждалъ о твоихъ рѣчахъ, почтенный нашъ другъ!

Другъ. Одна трудность въ обоихъ сихъ есть, познать и уразумѣть точно Человѣка, минуя тѣнь его, на которой всѣ останавливаемся: но тѣнь и видимость ни когда еще не бывала Истиною, а Истина видимостью, но есть всегда во всемъ тайная! —

Вѣдь ты слышалъ рѣчи истиннаго Человѣка! — *Естьли [говоритъ Онъ] не узнаешь себя, о добрая въ женахъ! то паси козлятъ твоихъ подлѣ шалашей пастушьихъ!* Я де тебѣ до толѣ не мужъ, не пастырь и не Господинъ! — Не видишь меня по тому, что себя не знаешь! — Поди съ очей моихъ, и не являйся! ибо не можешь быти предо мною, пока хорошо себя не уразумѣешь! — Кто себя знаетъ, тотъ одинъ можетъ сказать: *Господь пасетъ мя!*

Кононъ. Мы съ послѣдняго

разговора имѣемъ нѣкоторое сомнѣніе!

Другъ. Когда рѣчь идетъ о трудномъ дѣлѣ, то и не удивительно, когда встрѣчаются сомнѣнія! — Но какое ваше? —

Кононъ. *Первое!* ты говорилъ, что человѣкъ, влюбившійся въ видимую плоть, для того вездѣ гонится за видимостью, что усматриваетъ въ оной свѣтлость, пріятность, жизнь, красу и силу!

Другъ. А вы какъ думаете?

Кононъ. Намъ кажется, для того, что не можетъ вѣрить пребыванію невиди-

мости, и думаетъ, что одно только то бытïе свое имѣетъ, что онъ своими плотяными руками ощупать можетъ, и что въ тлѣнныхъ его очахъ мечтается. — Въ прочемъ онъ и самъ понять можетъ и совершенно знаетъ, что все проходитъ, что онъ ни любитъ —; по сему-то онъ и плачетъ, когда оно его оставляетъ, разсуждая, что оно ужѐ со всѣмъ пропало: подобно какъ младенецъ рыдаетъ о разбитомъ орѣхѣ, не понимая, что орѣшная сущая Истина состоитъ не въ его кор-

кѣ, но вѣ зернѣ сокровенномѣ подѣ коркою, отѣ котораго и самая корка зависитѣ.

Другъ. Ето самая правда! — И тотѣ пахарь былѣ бы весьма глупѣ, который бы тужилѣ о томѣ, что на́чалѣ на его нивѣ пшеничный стебель вѣ мѣсяцѣ Августѣ сохнуть и дряхлѣть, не разсуждая, что вѣ маленькомѣ зернѣ закрылась и новая солома, весною наружу выходящая, какѣ и самое вѣчное и истинное пребыванїе пшеницы! - - - но не все же ли то одно, причитать соломѣ силу и су-

щество ея, а не главѣ ея, зерну, и не вѣрить, ниже понимать о пребыванïи зерна? — Для того-то, на примѣръ, Судья присудилъ двоюродному брату право и власть наслѣдовать имѣнïемъ, что былъ увѣренъ, яко бы природнаго ближайшаго наслѣдника въ живыхъ не было. — И се есть тотъ нечестивый судъ, о которомъ въ послѣднемъ разговорѣ шла между нами рѣчь! —

Кононъ. Другое сомнѣнïе! — Я сказалъ такъ: помню слова Iеремïины сïи: *Глубоко сердце Человѣку паче*

всѣхъ, и нагота истинный Человѣкъ есть! — А ты къ словамъ симъ присовокупилъ слѣдующее: вотъ же сей-то Человѣкъ и содержитъ все и прочее!

Другъ. Такъ въ чемъ же ты сомнѣваешься? —

Кононъ. Я хорошо понимаю, что всѣ внѣшніе наши члены имѣютъ закрытое существованіе свое въ сердцѣ такъ, какъ пшеничная солома содержится въ своемъ зернѣ, которая, изсохши и издряхлѣвши, то, по согнитіи своемъ, закрывается въ зернѣ, то опять выходитъ наружу въ зеле-

ности, и не умираетъ, но обновляется, и будто перемѣняетъ платье! — Но какъ мы у всѣхъ, безъ изъятія, людей видимъ внѣшніе члены, свидѣтельствующіе и о зернѣ своемъ, то есть, что каждый изъ нихъ имѣетъ и сердце, которое [какъ Пророкъ Божій учитъ] есть точнымъ Человѣкомъ истиннымъ, а ето великое дѣло! — то скажи намъ, ужѐ ли же всѣ сіи люди суть истинные Человѣки, и какая же разность между добрымъ и злымъ Человѣкомъ въ семъ случаѣ? —

Другъ. Не такъ! — Отведи на время мысли твои отъ Человѣка! — Посмотри на простую Природу! — Вѣдь не всякїй орѣхъ и не всякая солома съ зерномъ? —

Кононъ. Ужасное позорище!

Другъ. Не бойся! — Вижу, что ты, оглянувшись на людей, изпугался! — Но вѣдь ты видишъ, что ето въ Природѣ не новое, и что сего довольно есть въ земляныхъ и древесныхъ плодахъ! — но ни гдѣ больше не бываетъ, какъ въ людяхъ! — Весьма тотъ рѣдокъ, кто сохранилъ серд-

це свое, или, какъ обще говорятъ, спасъ душу свою! А какъ научилъ насъ Іеремія, и ему вѣримъ, что истиннымъ Человѣкомъ есть сердце въ человѣкѣ, глубокоежъ сердце, и одному Богу познаваемое, не иное что есть, какъ мыслей нашихъ не ограниченная бездна, просто сказать, душа-то есть истое существо и сущая иста и самая, какъ говорятъ, ессенція и зерно наше и сила, въ которой единственно состоитъ родная жизнь и животъ нашъ! а безъ оной, мы тѣнь мер-

ствая! — то изъ всего сего явствуетъ, коль гибельная суета была бы потерять себя самаго, для обладанія хотя бы то и всѣми Коперниковскими мірами! — Но сего ни когда бы не случилось, ежели бы люди старались уразумѣть, что значитъ Человѣкъ, и быть Человѣкомъ, то есть, *знать самаго себя*! —

Кононъ. Ахъ! не могу сего понять! — По тому, что у каждаго свои мысли, и при томъ не ограниченнаго стремленія, какъ молнія разкидываются въ безмѣрныя разстоянія, не вмѣ-

щаются ни какимЪ пространствомЪ, и не усыпляются ни какимЪ временемЪ —, извѣстныя одному только Богу! —

ДругЪ. Перестань! — Не такЪ! — Правда, трудно изЪяснить, что злые люди сердце свое, то есть, самихЪ себя потеряли, и хотя вЪ первомЪ нашемЪ разговорѣ и сказано, что кто себя не узналЪ, тотЪ тѣмЪ самимЪ потерялся: однако же, для лучшаго увѣренія, вотЪ тебѣ гласЪ Божій! *Послушайте мене, погубльшіи сердце, сущіи далече отЪ правды!*

Кононъ. Ахъ! мы сему не вѣримъ! — Но какъ они потеряли? — Вѣдь и у нихъ такъ же мысли плодятся и разливаются! — Чего они себѣ не воображаютъ! — Чего не обнимаютъ! — Цѣлый мiръ ихъ вмѣстить не можетъ! — Ни чего имъ не довольно! — Одно за другимъ пожираютъ, глотаютъ и не насыщаются! — Такъ не обузданная ли бездна сердце ихъ? — Ты же сказалъ, что сердце, мысли и душа, все то одно! — какъ же они потерялись? —

Другъ. Чего досягнуть не

можемъ, то не изпытуемо! — Понудить себя должно, и дать мѣсто въ сердцѣ нашемъ помянутому слову Божію: естьли Его Благодать повѣетъ на насъ, то все намъ просто и прямо покажется! — Часто мѣлочей не разумѣемъ самыхъ мѣлкихъ, а Человѣкъ есть маленькій мірокъ, и такъ трудно его силу узнать, какъ тяжело во всемірной машинѣ Начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобыклый вкусъ есть причиною нашей бѣдности! Сколько ни разкладывай

предъ слѣпымъ, для него все ни чего! онъ можетъ ощупать, но, безъ прикосновенія, ни чего не понимаетъ! — Сколько разъ слышимъ о водѣ и воздухѣ! — Не по воздуху ли опираются птицы? — Онъ тверже желѣза! но деревянную стѣну всякъ скорѣе примѣтить можетъ; а какъ воздухъ не примѣтенъ столько, то и почитаютъ оный за пустошь; — для чего? — Для того, что оный менѣе ощутителенъ, какъ стѣна, которую скорѣе ощупаешь, краски скорѣе разглядишь! но

воздухъ хотя и не такъ казистъ, однако крѣпче камня и желѣза, и нуженъ столько, что и дыхнуть безъ онаго не льзя! — Вотъ въ самыхъ мѣлочахъ ошибаемся! — Слабѣйшее естество почитаемъ за сильнѣйшее? — По чему? — По тому, что стѣна грубѣе, и нашимъ глазамъ погуще болванѣетъ, какъ уже сказано, а воздухъ сокровеннѣе, и кажется, будьто въ ономъ силы нѣтъ ни чего, хотя карабли гонитъ и моря движетъ, деревья ломаетъ, горы крушитъ, вездѣ прони-

даетъ и все снѣдаетъ, самъ цѣлъ пребывая. — Видишъ, что не такова Природа, какъ ты разсуждаешь! — Въ оной сильнѣе то, что не казистѣе, а что уже̇ столько закрылось, чего ни какими чувствами ощупать не можно, въ томъ-то и самая сила! — И такъ естьли мы не можемъ почти увѣриться о воздухѣ, и почитаемъ оный за ни что, какъ будьто бы онаго и въ Природѣ не бывало, хотя оный шумитъ, гремитъ, трещитъ и симъ самымъ даетъ знать о пребыванiи своемъ: то какъ

можемъ признать за существенное то, что очищено отъ всякой вещественной грязи, утаено отъ всѣхъ нашихъ чувствъ, освобождено отъ всѣхъ шумовъ, тресковъ и перемѣнъ, въ вѣчномъ покоѣ и въ покойной вѣчности блаженно пребываетъ? — Мы, изпортя съ самаго нача́ла око ума нашего, ни какъ не можемъ проникнуть до того, что едино есть достойно нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ! — Пробудися же теперь мыслію твоею! и естьли подунулъ на твое сердце

Духъ Божій, то долженъ ты усмотрѣть то, чего отъ роду не видывалъ! — Ты, по сіе время, видѣлъ одну только стѣну болванѣющей внѣшности; а теперь подними очи твои, естьли оныя озарены духомъ Истины! — Воззри на оную! — Ты видѣлъ одну только тьму, а теперь ужѐ видишь свѣтъ! — Всего ты теперь по *двое* видишь: двѣ воды, двѣ земли, словомъ, вся тварь теперь у тебя раздѣлена на двѣ части! — Но кто для тебя раздѣлилъ? — Богъ! — Онъ тебѣ раздѣлилъ вся на *двое*

чтобы ты не смѣшивалъ тьмы со свѣтомъ, лжи съ правдою! — Но понеже ты не видѣлъ, кромѣ одной лжи, яко стѣны, закрывающей Истину, для того Онъ тебѣ теперь сдѣлалъ новое небо, новую землю; ибо единъ Онъ творитъ дивную Истину. — Какъ усмотрѣлъ ты новымъ истиннымъ окомъ Бога, то ужѐ все ты въ Немъ, какъ въ источникѣ, какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ, что въ Немъ всегда было, чего ты ни когда не видалъ, и что есть самое древнѣйшее, то для тебя, новаго

зрителя, есть новое; по тому, что оное прежде тобою ни когда не видано, а только слышано! — И такъ ты теперь *двое* видишь, старое и новое, явное и тайное! — Но осмотрися на самаго себя! какъ ты прежде видалъ себя? —

Кононъ. Признаюсь, я видѣлъ одну явную въ себѣ часть, а о тайной ни когда и не думалъ; а хотя иногда и возпоминалъ о тайной, но мнѣ страннымъ казалось почитать то за бытїе и Истину, чего не вижу! — На при-

мѣрѣ, я видѣлѣ у себя руки, но мнѣ ни когда и на умѣ не возходило, что вѣ сихѣ рукахѣ закрыты другїя.

Другѣ. А по сему ты видѣлѣ вѣ себѣ одну землю и прахѣ, и до селѣ ты былѣ земля и пепелѣ, кратко сказать, тебя не бывало на Свѣтѣ; по тому, что земля, прахѣ, тѣнь и ничтожная пустошь, все то одно.

Лука. Вѣдь же ты изѣ Іереміи доказалѣ, что не наружный прахѣ есть Человѣкѣ, но сердце его! какѣ же его не было на свѣтѣ? — Вѣдь его сердце всегда при немѣ было, и теперь есть! —

Другъ. Постой! какъ ты такъ позабылъ *двое! двое!* есть тѣло земляное, и есть тѣло духовное, тайное, сокровенное, вѣчное: такъ для чегожъ не быть двумъ сердцамъ? — Видѣлъ ты и любилъ болвана и идола въ твоемъ тѣлѣ, а не истинное тѣло, о которомъ говоритъ Павелъ въ въ посланїи первомъ къ Солунямомъ, въ главѣ 5, стихѣ 23: то есть, ты любилъ прахъ твой, а не Божїю, сокровенную въ тебѣ, Истину, которой ты ни когда не видывалъ и не почиталъ оной

за бытіе, не вѣрилъ въ оную, по тому, что ощущать не могъ —, и естьли тѣлу твоему случалось заболѣть опасно, то впадалъ ты въ отчаяніе, — отъ чего же ето? — Не старый ли ты Адамъ, старый мѣхъ съ ветхимъ сердцемъ, тѣнь, пустошь и ни что, съ таковымъ твоимъ сердцемъ, каково твое тѣло? Земля въ землю устремилась, смерть ко смерти, а пустошь люба пустоши! — Душа тощая и голодная, пепелъ, не хлѣбъ истинный, ядущая, и питіе внѣ рая съ

плачемъ растворяющая! — Слушай, что о таковыхъ къ Исаїи говоритъ Богъ: *Знай, Исаія! что лелломъ есть сердце ихъ, и прельщаются, и ни единъ можетъ души своей избавити! — Помяни сія Іакове и Израиле, яко рабъ мой еси ты! — Се бо отъяхъ, яко облакъ, беззаконія твоя, и яко примракъ, грѣхи твоя; обратися ко мнѣ, и избавлю тя!* — Нѣкій, старинныхъ вѣковъ, Живописецъ изобразилъ на стѣнѣ какія — то ягоды столь живо, что голодныя птички, имѣю-

щія отъ Природы быстрой взоръ, бились объ стѣну, почитая живописныя ягоды за истинныя: вотъ почему таковыя сердца глотаютъ и не насыщаются! — Да покажи мнѣ хотя одного изъ таковыхъ Любопраховъ, чтобы онъ имѣлъ удовольствіе въ душѣ своей! — Любовь къ тѣни есть мать голода, а его дочь есть смерть! — Каковоежъ таковыхъ сердецъ движеніе! — На тотъ одинъ конецъ имѣютъ движеніе, чтобы безпокоиться! — Видалъ ли ты въ великихъ садахъ Вельмо-

жескихъ большія, круглыя, на подобіе бесѣдокъ, птичьи клѣтки? —

Лука. Довелось видать и въ Царственныхъ садахъ!

Другъ. Оныя обволочены желѣзными сѣтьми; множество птичекъ, чижей, щегленковъ и другихъ безпрестанно въ оныхъ колотятся, съ одной стороны въ другую бьются, но нигдѣ пролету не получаютъ: вотъ точное изображеніе сердецъ, о которыхъ ты выше сказалъ, что оныя въ разныя стороны, какъ молнія, мечутся и мучатся заключенны въ стѣ-

нахъ! — И что есть столь-ко узко и тѣсно, какъ видимость? — По сей-то причинѣ и называется оная рвомъ! — Что бы, кажется, за мудрость пролетѣть сквозь сѣть на свободу духа? — Но опять же, какъ намъ вылетѣть туда, въ то мѣсто, котораго и за бытїе не почитаемъ? — Мы вѣдь давно съ самаго дѣтства напоены симъ лукавымъ духомъ, засѣяны симъ змѣинымъ сѣменемъ, заняты внѣдрившеюся въ сердце ехидною, что одну только трубую видимость, по-

слѣднюю пяту, внѣшнюю тьму любимъ, гонимся за оною, услаждаемся оною, всегда и во всемъ! — Такъ ли? — Точно такъ! — всегда и во всемъ! — Ахъ! гдѣ ты мечь Іеремїинъ, опустошающїй землю? — Мечь Павловъ, мечь Финеесовъ? — Заблудили мы въ землю, обнялися съ оною? — Но кто насъ избавитъ отъ оной? — Вылетитъ ли, какъ птица, сердце наше изъ сѣтей ея? — Не вылетитъ! по тому, что сердцемъ ея сердце наше учинилося! а когда уже сердце наше, глава наша и

мы претворились вѣ оную, то какая надежда вѣ пепелѣ? — Можетѣ ли прахѣ, во гробѣ лежащїй, возстать и стать и признать, что есть еще и невидимость — есть еще и духѣ? — Не можетѣ! — Для чего? — Не можетѣ возстать и стать предѣ Господемѣ! — Да для чего? — Для того, что сей прахѣ не можетѣ принять вѣ себя сего сѣмени! — Какого? — Чтобѣ вѣрить, что есть еще и то, чего не можемѣ ощупать и аршиномѣ мѣрить! — О сѣмя благословенное! Нача-

ло спасенія нашего! — можемъ мы тебя и принять, но ты будешь у насъ безплодно! — Для чего? — Для того, что любимъ внѣшность, мы къ ней и привыкли и не допустимъ того, чтобъ могла согнить на зернѣ вся внѣшняя видимость, а осталась бы въ ономъ одна невидимая сила, о которой мы увѣриться не можемъ, безъ чего ни какъ не можетъ быть плода! — Такъ-то насъ настроили добренькіе наши Наставники! — *Се Азъ напитаю ихъ пелынемъ, и напою ихъ*

желчїю; отъ Пророковъ бо Iерусалимскихъ изыде осквернение на всю Землю — Iеремїи 23.

ЛИЦА ТѢ же.

Разговоръ пятый.

Филонъ. Отъ сюда-то, думаю, старинная пословица, что глупъ тотъ, кто не умѣетъ двухъ перечесть! да и мы по сїе время одно только во всемъ Свѣтѣ нащитали, за тѣмъ,

что мы другаго въ ономъ ни чего не видали!

Кононъ. Не лучше ли тебѣ сказать, что намъ одна тѣнь была видна, мы ничего не видали, хватали на водѣ одну тѣнь пустую! — А теперь похожи на жителя глубокой Норвегіи, который, по шести-мѣсячномъ земномъ мракѣ, едва едва видитъ отверзающееся утро и всю тварь начинающую нѣсколько болванѣть.

Другъ. Ежели не станете сжимать и отвращать очей, то увидите всю тварь просвѣщенну! — Не будьте

только подобны кроту, влюбившемуся въ землю, и которому всякій выходъ на воздухъ весьма не пріятенъ! — Приподнимайте глаза и приноравливайтесь смотрѣть на Того, Который говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру!* — Все, что мы до сего видѣли, что оно есть такое? — Земля, плоть, песокъ, пелынь, желчь, смерть, тьма, злость, адъ! . . . . Теперь начинаетъ свѣтъ, утро, воскресеніе! — Перестаемъ видѣть то, что видѣли, почитая видимость всю за ни что;

устремляемъ глаза наши на то, что было отъ насъ закрыто, пренебрежено, на безплотную невидимость, которую мы почитали за ни что, мечту и пустошь, не удостоивая поставить оную въ число существъ; — теперь на противъ! видимость для насъ есть лесть и мечта, трава и изчезающій цвѣтъ; а вѣчная невидимость служитъ главою, силою, камнемъ основанія и счастіемъ нашимъ! — Послушаемъ, что говоритъ къ намъ, и что обѣщаетъ: — *Дамъ тебѣ*, говоритъ Онъ, *сокровища*

темная, сокровенная, невидимая отверзу тебѣ, да увѣси, яко Азъ Господь Богъ твой, призываяй имя твое, Богъ Израилевъ! — Теперь разсуждайте, нравится ли вамъ переходъ сей? — или останетесь, по прежнему, въ видимой земли вашей? — Или же очистите сердце ваше, для принятія новаго духа? — Кто старое сердце отбросилъ, тотъ содѣлался новымъ Человѣкомъ! — Горе сердцамъ затвердѣлымъ! —

Лука. Для того-то самаго смягчить оное и сокру-

шить трудно! — закоренѣлое мнѣнїе, похоже на младенца, возросшаго во Изполина; — трудно ужѐ съ нимъ бороться! —

Другъ. Но что вамъ возпрещаетъ въ жизни о семъ разговаривать и разсуждать? — Употребя же на то хотя закомплетное время, сердце ваше въ мигъ озарится, какъ молнїею, новымъ духомъ! — Шесть сотъ тысячь воззваны были въ Обѣтованную Землю; но для чего двое только вошли въ оную? —

Лука. Да, двое! Іисусъ Навинъ да Халевъ!

Другъ. Вотъ для чего! — Какъ можетъ то быть, чего видѣть не льзя? — Вотъ какая пустошь! — *Вскую вводитъ насъ Господь въ Землю сию? — Чтобъ пасти на брани?* — По етому, естьли руки и ноги потерять, то что будетъ въ насъ? — Мы не хотимъ сего! гдѣ ето водится, чтобъ то было, да еще и сильно, чего не видишь? — Дай намъ возвратитися въ старую нашу Землю! — Не нравится намъ тотъ, кто въ пустошь выводитъ! — Слышите ли всѣхъ сихъ Старо-

вѣрцовъ? — Вотъ шесть сотъ тысячь дураковъ! — Представьте себѣ ветхія кадки, занятыя пресквернымъ, вонючимъ квасомъ, вотъ они! — Можно ли такимъ скотамъ что ни есть внушить? По ихъ мнѣнію, не льзя Богу имѣть своего бытія, ежели быти ему чисту отъ всякой видимости! — Ежели того нѣтъ, чего не видать, такъ Бо а давно не стало! — Вода претыканій! — Сѣмя зміино! Сердце невѣрное! Совѣтъ лукавъ! — Не сіе ли есть не изповѣдатися Господевѣ,

и не признавати имя Его? — Но не такъ было въ сердцѣ двухъ тѣхъ благополучныхъ наслѣдниковъ! *И даде Господь Халеву крѣпость, и даже до старости пребысть у Него наити ему на высоту Земли, и сѣмя его обдержа въ наслѣдїе, яко да видятъ вся сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа! всѣ же разгнѣвавшїеся не узрятъ ю, глаголетъ Господь; рабъ же мой Халевъ, яко быстъ духъ Мой въ немъ, и возслѣдова мнѣ, введу его въ Землю, въ*

ню же ходилъ, тамъ и сѣмя его наслѣдитъ ю.

Кононъ. По етому вся сила въ закрытой невидимости, а не во внѣшней видимости!

Другъ. Что же есть идолопоклонство, какъ не то, чтобы приписывать силу Изтуканнымъ? — Не хощешь рукъ невидимыхъ? — Видно, что воздаешъ видимости силу и твое почтенїе! — Но на долго ли пребудетъ сїя твоя видимость? — На что ты положишься? — Что есть видимая плоть, ежели не смерть? — И на оной-то

основалЪ ты сердце и любовь твою! — Всякая внѣшность есть рѣка, протекающая! — И такЪ не на льду ли ты воткнулЪ кущу твою, и поставилЪ шалашЪ твой? — Пожалуй перенеси оный на твердость, перенеси во дворы Господни, воткни на новой Земли! — А иначе, что твоя за радость? — Какой покой? — Не всегда ли станешь опасаться, что когда ни будь ледЪ разтаетЪ, когда нибудь твое смертное тѣло оставить надобно будетЪ? — О бѣднѣйшій, почитающій свое

тлѣнное тѣло, и не вѣрующій новому! — Таковые-то возволнуются и стати не возмогутъ — *нѣсть радоватися нечестивымъ*, рече Господь Богъ.

Филонъ. Какъ ето? —

Другъ. А вотъ какъ! — Весь міръ состоитъ изъ двухъ Натуръ, видимой и невидимой. Невидимая Натура всю тварь проницаетъ и содержитъ. Богу весьма не пріятно, естьли мы, взирая на перемѣну видимой тлѣнной Натуры, пугаемся, и симъ самымъ уважаемъ оную, а уважая тако, отъемлемъ у Бога

ревнующаго честь, Ему принадлежащую, яко у Виновника всего бытія и Сохранителя онаго. — Разжуй! — Ежели Онъ есть Виновникъ бытія и сохранитель, то какъ можешь ты потерять принадлежащее тебѣ? — Для сего ступай въ школу Вѣры, или, какъ Давидъ говоритъ, *лоучися Вѣчности!* потерпи тутъ не много, пока староверское твое пепельное око, сердце, нѣсколько очистится отъ свѣтскихъ своихъ душковъ!

ЛИЦА ТѢ же.

Разговоръ шестый.

Другъ. Земля! — земля! — земля! — Слыши слово Господне!

Филонъ. Не слышу! —

Другъ. Для чего?

Лука. Кто можетъ войти на небо, развѣ сшедый съ небесе! — Кто можетъ слышать Слово Божїе, аще не будетъ Богъ въ немъ? — Свѣтъ видится тогда, когда свѣтъ есть въ очахъ! — Ежели Богъ есть Вождемъ, то искать безъ Него, есть перелазить чрезъ стѣ-

ну. — Но естьли сила въ окѣ изпорчена, или, лучше сказать, ежели сила отъ ока отступила, и не имѣетъ въ веществѣ селенія своего: въ то время, око ни какого различія между тьмою и свѣтомъ не находитъ.

Кононъ. Но не можетъ ли Богъ сдѣлать мертваго живымъ, а видимаго не видимымъ? — Ей! есть время и теперь воскреснуть! — Можетъ искра Божія пасть на темную бездну сердца нашего, и вдругъ озарить Вѣрою, только бы Богъ былъ въ

Человѣкъ — не вещественъ въ вещественности, Вѣчный въ тлѣнности, Единъ и всяческая во всемъ — Ахъ! зерно горчичное — Вѣра, Страхъ и Любовь Божїя! — Зерно правды и Царствїя Его! — Чувствую, что тайно падаетъ на земное мое сердце, какъ дождь, роса на руно! — О когда бы не позобали тебя воздушныя птицы!

Филонъ. Вспомнимъ теперь съ Давидомъ вѣчная лѣта, и поучимся въ нихъ! —

Кононъ. Кому, или чему, поучиться?

Филонъ. Вѣчности поучим-

ся, сирѣчь, истинному Человѣку!

Другъ. Истинный Человѣкъ подобенъ доброму и полному пшеничному колосу! — Колосъ все заключаетъ въ себѣ! — Ость на колосѣ? — Подлинно ость на колосѣ и ость въ колосѣ, но не колосомъ ость! — Что же есть колосъ? — Колосъ есть самая сила, въ которой стебль со своими вѣтьвями и ость съ плевою заключается! — Но не въ зернѣ ли все сїе закрылось, и не весною ли выходитъ все сїе, перемѣнивъ зеленое

вѣ мѣсто желтаго и ветхаго платья? — Не невидима ли сила зерна? Такъ; оное тогда, въ тѣ поры, дѣйствуешъ, какъ вся внѣшность уже на немъ согнила, дабы кто не причелъ новаго плододѣйствія мертвой и нечувственной землѣ, то есть, гніющей внѣшности: но вся бы слава отдана была не видимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, да тако будетъ Онъ единъ главою во всемъ, а вся внѣшность пятою Его! —

Филонъ. Теперь въ колосѣ

показывается мнѣ то, чего, по сїе время, не было видно! —

Кононъ. Лучше скажи, что ты въономъ одинъ хвостъ видѣлъ.

Кононъ. Пускай же сїя въ колосѣ новость называется ростомъ; понеже Господь Богъ произрастилъ намъ оный! —

Лука. Но какъ мы съ поля перешли въ садъ, то взгляните, чѣмъ привѣтствуетъ насъ въ сей бесѣдкѣ Человѣкъ! —

Филонъ. Изображенїе сїе написалъ живописецъ, мой другъ.

Кононъ. Оное мнѣ очень понравилось! — Изъ облака чернаго касается лучь головы его! — Но что за слова въ лучи? — Оныя въ мѣстѣ съ лучемъ сходятъ съ высоты на голову его, облитую свѣтомъ! — Прочитай, Лука! — Ты вѣдь изъ числа Книгочихъ! —

Лука. Образъ Пророка Исаіи! — Въ лучи написаны сіи слова: *Возопій!*

Кононъ. Но что за слова изъ устъ его выходятъ? —

Лука. Тѣ слова суть: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный!* —

Филонъ. Что еще написано на бумажкѣ, которая въ его рукахъ?

Лука. Написано: *Глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки!*

Другъ. Вы видите только изписану бумажку.

Кононъ. Мы оба съ Филономъ столько лѣтъ уже занимаемся однимъ хлѣбопашествомъ, но колосъ не давно только усмотрѣли; но что касается до бумажекъ, о томъ другихъ спрашивай!

Лука. Ето его дѣло!

Другъ. Ты видишь, Лука! въ рукахъ Пророчьихъ бу-

мажку? Знай же, что сей блаженный Старикъ легко держитъ въ правой рукѣ весьма великое и весьма малое, въ которомъ все, всегда и вездѣ содержится, — и что самъ Старецъ, озаренный свѣтомъ Откровенія, состоитъ въ Его рукѣ, носимымъ носится и держится держимымъ отъ него! — Смотрѣлъ ты на колосъ! — посмотри теперь на Человѣка, и узнай его! Ты видѣлъ въ колосѣ зерно и солому: теперь взгляни на сѣмя Авраамово, да тутъ же и на твое! — Видѣлъ ты въ колосѣ

солому съ плевою: посмотри теперь на траву тлѣнной твоей плоти, съ пустымъ доселѣ цвѣтомъ пепельныхъ твоихъ разсужденій! — Узрѣлъ ты въ колосѣ то, чего прежде не видалъ: теперь узнавай въ Человѣкѣ то, что для тебя не было видно! — Видя колосъ, ты не видѣлъ и не зналъ его: видя Человѣка, ты не видѣлъ и не зналъ его. Но что на конецъ узрѣлъ ты въ колосѣ, то не было отъ плоти, но отъ Бога. — Подними же отъ земли мысли твои и уразумѣй

человѣка въ себѣ отъ Бога рожденна! — Въ послѣднее житія время усмотрѣлъ ты въ колосѣ новый ростъ, толь сильный, что для всей соломы съ плевою сдѣлался онъ убѣжищемъ и главою. — Познай же въ себѣ новаго Іосифа, новаго пастыря, отца и почитателя нашего! — Въ пшеничномъ зернѣ примѣтилъ ты легкую внѣшность, въ которой закрылась тайная не видимая дѣятельность и жизнь! — Вгляни теперь на Глаголъ Божій, Пророчею бумажкою, какъ легенькимъ облачкомъ, прикры-

тый! — Силу зерна умнымЪ окомЪ ты увидѣлЪ: открый же око Вѣры, и ты увидишь вЪ себѣ то же Силу Божїю, ЗаконЪ Божїй, ГлаголЪ Божїй, Слово Божїе, Царство и Власть тайную Божїю, невидимую! — А узнавЪ Сына, узнаешь и Отца его! — Дряхлая на колосѣ солома не боится погибели; оная какЪ скоро изЪ зерна выходитЪ, такЪ опять и закрывается вЪ ономЪ, которое хотя по внѣшней кожицѣ и согниваетЪ, но сила его вѣчною остается. — Что же ты трусишь, трава и

плоть ? — Дерзай! не бойся! — Ты уже видишь въ себѣ десницу Божїю, которая тебя такъ же сохраняетъ! — Или ты сему не вѣришь ? — Буде такъ, то бойся! — Нѣтъ надежды! вся плоть гибнетъ! — Гдѣ тебѣ дѣться ? — Бѣги со Давидомъ въ Домъ Господень, или со Іеремїею въ Его Дворы Райскїе! — Да будетъ сердце твое разкрыто, для принятїя Вѣры, и для обьятїя того Человѣка, который Отцу своему въ мѣсто десницы и въ мѣсто силы Его — во вѣки вѣковъ! — Слушай,

что Отецъ Его чрезъ Него же самаго и въ Немъ къ намъ говоритъ! — Слушай же бодро! — *Положу словеса Моя во уста твоя — и подъ сѣнію руку Моею покрыю тя!* — Коею рукою? — Ею же утвердилъ небо и основалъ землю! — Слышишь ли, коль сильно зерно въ тебѣ? — Небо сіе видимое и земля въ ономъ закрывается, ужè ли же сѣмя сіе не будетъ сильно сохранить тебя? — Ахъ! пожалуй, будь увѣренъ, что и самый не чувствительный волосъ головы твоей, потерявши одну

свою наличность, закроется в ономъ, безъ всякаго вреда сохранится, ублажится! — Скажи съ Павломъ: нашелъ я Человѣка, Мессію! — Нашелъ я не плотянаго Кумира, но истиннаго Божія во плоти моей Человѣка! — Силу Его нашелъ я въ травѣ и тѣни моей, при остаткѣ дней моихъ! — Сѣмя благословенное! Спасеніе всей наличности моей! Свѣтъ Откровенія слѣпому языку! — Доселѣ былъ я въ тѣни и грязи, я былъ, то есть, сердце мое! — Ѣлъ и насыщался землею! а теперь

отъ узъ ея меня Онъ отпущаетъ, убивъ сѣмя ея во мнѣ, пустую пяту наблюдающее, а въ мѣсто его Ты во мнѣ воцарился во вѣки, открылъ мнѣ небо новое и Себя, сидящаго на мѣстѣ десницы Отца небеснаго! — Буди же мнѣ теперь міръ и спокойствіе въ Силѣ Твоей! — Буди мнѣ Суббота благословенная! — Вынесли теперь меня крилѣ голубинѣ отъ земли, и почію! — Чего же больше скорбѣть тебѣ, душа моя! — Для чего теперь тебѣ безпокоить меня? — Познала ты уже

вЪ себѣ Человѣка, и сила Его безконечна! уповай же на Него, естьли ты узнала его! — А теперь ты точно знаешь Его! — ОнЪ мужЪ твой, ОнЪ глава твоя вЪ тебѣ подЪ видомЪ — спасенїе лица всего твоего и БогЪ твой!

ЛИЦА:

Старикъ, Памва, Антоній, Квадратъ, Другъ и прочіе.

Разговоръ седмый.

Другъ. Послушай, Памва! — Куда ты долго учился! Ужѐ ли же ты научился Давидову псалму?

Памва. Да я только однимъ одинъ псаломъ и умѣю!

Другъ. Который псаломъ?

Памва. А вотъ оный! *Рѣхъ, сохраню пути моя!* А

больше для меня и не надобно! — Я ужѐ нашелъ для устъ моихъ запоръ, и заложилъ онымъ.

Антонъ. Самая правда! — Языкъ все тѣло обращаетъ, и есть всему голова!

Квадратъ. Ахъ! Памва! Блаженъ ты, ежели не согрѣшаешь языкомъ твоимъ! — Коль горячо просятъ сего себѣ отъ Бога Давидъ и сынъ Сираховъ!

Лука. А прежде, чѣмъ ты говорилъ Памва? — Вѣдь ты и прежде имѣлъ языкъ?

Памва. Я ужѐ древнему моему языку наложилъ печать.

Антоній. Но кто тебѣ запечаталъ оный?

Памва. Кто можетъ запереть бездну, кромѣ Бога?

Лука. Не худо называешь языкъ бездною! — Ибо и Давидъ языку льстиву даетъ имя потопныхъ водъ, а потопъ и бездна, все одно.

Квадратъ. Я слыхалъ, что и разумъ Премудраго потопомъ у Сирахова Сына называется.

Другъ. Рѣчь, какова бы оная ни была, есть не иное что, какъ рѣка, а языкъ источникомъ ея; но естьли уже тебя, Памва! изба-

вилЪ Господь отЪ языка не преподобна: то видно, что, вЪ мѣсто льстиваго, даровалЪ тебѣ языкЪ Давидовъ, поучающійся Правдѣ Божіей весь день, и возвѣщающій силу Его всему Роду грядущему.

Квадратъ. Самая правда! — Кто можетъ говорить о бѣлизнѣ, ежели не знакома ему чернота? — ОдинЪ вкусЪ чувствуетЪ горькое и сладкое. — Буде открылЪ кому Господь узнать языкЪ льстивый, таковый можетЪ вдругЪ узнать праведныя уста, поучающіяся Премудрости.

Антоній. Что за чудное такое вы наговорили! — Да развѣ не разумѣетъ и стараго языка тотъ, кто не знаетъ новаго?

Памва. Безъ сомнѣнія! — Въ то время узнаешь старое, какъ поймешь новое. — Гдѣ ты видалъ такого, который бы понималъ о тьмѣ, не видавши ни когда свѣта? — Можетъ ли кротъ, скажи пожалуй! сказать тебѣ, когда день, и когда ночь?

Антоній. Когда не можетъ кротъ, то можетъ сказать Человѣкъ.

Памва. Можетъ ли слѣпый

узрѣть и тебѣ указать на изображенїи краску бѣлую?

Антонїй. Не можетъ! — Но по чему?

Памва. А по чему?

Антонїй. По тому, что онъ ни когда не видалъ и не знаетъ черной; а есть-ли бы онъ хотя одну изъ противныхъ между собою красокъ могъ отличать и понимать, то въ то же мгновенїе понялъ бы и другую.

Памва. Вотъ же точно такъ и тутъ! — Тотъ понимаетъ юность, кто разумѣетъ старость.

Антоній. Не могу довольно надивиться! — Ежели всякій человѣкъ такъ родится, что не можетъ и того понять, что есть старость и что юность, безъ того, когда не будетъ другой разъ рожденъ съ выше.

Памва. Свѣтъ открываетъ все то, что намъ во тьмѣ нѣсколько болванѣло: тако и Богъ всю Истину освѣщаетъ — указуетъ оную! — И въ то время усматриваемъ пустую мечту, когда усматриваемъ Истину: уразумѣвъ юность, понимаемъ и старость. —

Земляный человѣкъ думаетъ, что онъ себя понимаетъ, разумѣетъ! — Но мало ли дѣтей такихъ, которыя видятъ въ потьмахъ то, чего не бывало! — Свѣтъ, возсїявшїй, уничтожаетъ всѣ привидѣнїя? — Не каждому ли по звуку знакомы сїи слова: время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совѣсть, благодать, вѣчность? — Намъ кажется, что мы разумѣемъ оныя; но естьли спросишь объ изъясненїи, тогда всякїй задумается. — Кто можетъ сказать, что онъ

знаетЪ время, буде не приникЪ вЪ Божественную высоту? — Время, жизнь и все прочее вЪ БогѣЪ содержится. — Кто же можетЪ разумѣть что ни будь во всѣхЪ видимыхЪ и невидимыхЪ тваряхЪ, не разумѣя Того, Кто всему голова и основанïе? — *Начало Премудрости, разумѣти Господа!* — Есть-ли кто не знаетЪ Господа, тотЪ подобенЪ колодникамЪ, вверженнымЪ вЪ темницу. — Что можетЪ таковый понять во тьмѣ? — Главнѣйшая и начальнѣйшая точка Премудрости

есть знанїе о Богѣ! — Не вижу Его, но знаю и вѣрю, что Онъ есть; а естьли вѣрю, то и боюсь — боюсь прогнѣвать Его! — Ищу того, что Ему благоугодно: вотъ любовь къ Богу! — Вотъ страхъ Божїй! — Вотъ знанїе Бога! — Вотъ вѣра въ Него! — Все сїе есть неразрывная цепь. — Знанїе въ вѣрѣ, вѣра въ страхѣ, страхъ въ любви, любовь во изполненїи заповѣдей, а соблюденїе заповѣдей въ любви къ ближнему! — Любовь же не завидитъ и проч. и проч. — И такъ естьли хочешь

что ни есть познать и уразумѣть, то прежде должно взойти на гору знанія Божія; тамъ-то ты, просвѣщенъ тайными Божества лучами, уразумѣешь, что захочешь, не только юность орлину, обветшающую старости ризу, но и ветхая ветхихъ и небеса небесъ! — Но кто насъ выведетъ изъ преисподняго рва? — Кто возведетъ на гору Господню? — Гдѣ ты!, Свѣте нашъ — Христе Іисусе? — Ты единъ говоришь Истину въ сердцѣ Твоемъ! — Слово Твое есть Истина — Евангеліе

Твое есть возженный свѣтильникъ, а Ты въ ономъ самъ Свѣтомъ! — Вотъ единственное средство къ избѣжанію обмана и тьмы незнанія! — Вотъ Домъ Давидовъ, въ которомъ Судейскій престолъ всяку ложъ рѣжетъ и рѣшитъ! — О чемъ же ты, Антоній! знать еще хочешь? — Ищи въ сихъ возлюбленныхъ селеніяхъ! — Ежели не сыщешь входа въ одинъ изъ чертоговъ, то стучи въ другой, въ десятый, въ сотый и тысячный! — Сей Божій Домъ съ наружи кажется скотскою пещерою,

мо въ нутри Дѣва родитъ Того, Котораго Ангелы поютъ непрестанно! — Въ сравненiи съ сею Премудростiю всѣ свѣтскiя мудрости суть не иное что, какъ рабскiя ухищренiя! — Въ сей Домъ воровскимъ образомъ не входи, ищи дверей, и стучи, пока отопрутъ! — Не достойнымъ будешь входа, ежели что въ Свѣтѣ предпочтешь Божiей сей горѣ! — Не впущаютъ туда ни кого съ одною половиною сердца. — А естьли насильно прорвешься, то въ горьшую тьму вверженъ будешь. —

Коликою и коль сильною любовiю горѣлъ Давидъ къ сему Дому, желалъ и изтаявалъ отъ желанiя Дворовъ Господнихъ! — Зналъ онъ, что ни коимъ образомъ не льзя выбраться изъ начало-родной тьмы безумiя человѣческаго, кромѣ какъ чрезъ сiи ворота; — зналъ онъ, что всѣ заблудили отъ самаго матерняго чрева, а хотя и говорили о средствахъ, но всѣ лгали; — зналъ онъ, что ни какая птица, ни какая мудрость человѣческая, сколько бы ни быстра оная была, не въ си-

лѣ вынести его изъ пропасти, кромѣ сей чистой голубицы, — и для того изъ нетерпѣливости вопіетъ: *кто мнѣ дастъ крилѣ? — Да чтобъ оныя были таковы, каковы имѣетъ сія голубица, то есть, посребренни, а между связію крилъ блистало бы золото; а есть-ли не такъ, то не надобно для меня ни какихъ летаній, сколько бы оныя быстро-парны ни были!* — Сею-то не скверною голубкою онъ столько услаждался и столько ею плѣнялся, что, какъ Магдалина при

гробѣ, всегда сидѣлъ у окошка своей Возлюбленной, просилъ и докучалъ, чтобъ отворила для него дверь, чтобы окончала его страданія, чтобъ разбила мглу и мятежъ во внутренной, называя ее всею своею утѣхою! „Встань, говоритъ съ плачемъ, слава моя! „встань ты сладчайшая „моя десятиструнная псалтырь и гусли сладкозвучныя! — Естьли ты только встанешь, то я и самъ „тотъ часъ встану, а встану рано, поднимусь на „свѣтъ! — Долго ли мнѣ „во тьмѣ жить? — Когда

„пріиду и явлюся лицу „Божію? — Кто, кромѣ „тебя, о краснѣйшая всѣхъ „дочерей въ мірѣ, Дѣво! кто „введетъ меня вo градъ, ут„вержденный твоими толь„ко дверьми? — Я однимъ „твоимъ только слѣдомъ „привестись могу къ Ца„рю Небесному! твоимъ, о „Дѣва! — Когда съ тобою возъимѣю содружество!„ — Не безъ пользы же трудился Давидъ! — Съ какимъ возторгомъ онъ вопіетъ! *„Отверзите мнѣ врата „Правды! — Изловѣмся „Тебѣ, Господи! яко ус„лышалъ мя еси!* —

„день возрадуемся и воз-
„веселимся! — Богъ Гос-
„подь явися намъ! — При-
„звахъ Господа, и услы-
„ша мя въ пространство!
„— Что теперь сотворитъ
„мнѣ человѣкъ! — Ни че-
„го не боюся „ — Широкъ
весьма сталъ Давидъ! —
Вылетѣлъ изъ сѣтей пре-
исподнихъ — изъ тѣсноты
въ свободу духа! — Изче-
зла вдругъ вся тьма! —
Гдѣ ни ходитъ, вездѣ
свѣтъ: — *Камо пойду отъ
Твоего Духа?* — Окрила-
тѣлъ Давидъ! — Боится,
любится, удивляется, съ
мѣста на мѣсто перелеты-

ваетъ, все видитъ, все разумѣетъ, видя Того, въ рукѣ Котораго свѣтъ и тьма.

Квадратъ. Подлинно, что горячо и вѣрно любитъ возлюбленный Давидъ свою Любезнѣйшую? — Ее-то, думаю, онъ называетъ Ма́терїею, Сїономъ, дочерью, Царицею, въ золото одѣтою и преукрашенною колесницею Божїею, Царствомъ живыхъ людей, жилищемъ всѣхъ веселящихся, и прочая! — Одного проситъ отъ Господа, чтобъ жить въ Дому семъ Божїемъ, въ мѣстѣ покро-

ва сего предивнаго, гдѣ гласъ радующихся и шумъ празднующихъ! — Въ прочемъ же не желаетъ онъ ни чего ни на небеси, ни на земли, кромѣ сей чаши, наполненной благосчастіемъ, кромѣ сей Дочери Царской, которыя вся красота въ нутри закрылася. — Да и столько сіи врата Сіонскія и путь сей, ведущій его къ видѣнію Господа любы ему были, что онъ такъ наслаждался въ оныхъ, какъ во всякомъ родѣ богатства! — Что объ оныхъ ни говорится, все называетъ чуд-

нымъ и преславнымъ, со всѣмъ отличнымъ отъ общенароднаго мнѣнія! — Тутъ-то его жертва, пѣніе и покой душевный, пристанище хотѣнія! — Ахъ! покой душевный! какъ ты рѣдокъ! какъ дорогъ! — Здѣсь оный закрывается въ тайнѣ лица Божія отъ мятежа человѣческаго и отъ пререканія Языковъ, то есть, отъ всѣхъ свѣтскихъ мнѣній, противныхъ Божіей Премудрости, называемыхъ благолѣпіемъ дому Господня, камнемъ прибѣжища для перепуганныхъ грѣш-

никовъ, о коихъ писано: *Бѣжитъ нечестивый, ни кому же гонящу!* —

Антоній. Безъ сомнѣнія однакожь онъ возводитъ очи свои на сіи каменныя горы, надѣяся отъ оныхъ помощи!

Квадратъ. Извѣстно, что грѣшникъ, какъ только почувствуетъ опасность своего пути, бѣжитъ, какъ гонимый заецъ, къ симъ горамъ, находяся въ замѣшательствѣ бѣдныхъ своихъ разсужденій, которыя ему прежде казались весьма правильными; но когда блеснувшій изъ Божіихъ

горѣ свѣтѣ покажетъ ему на лице прельщенïе его: тогда весь свой путь уничтожаетъ такъ, какъ случилось Павлу, ѣдущему въ Дамаскъ; — и въ семъ-то разумѣ говоритъ Давидъ: *Смятошася веси не разумнïи сердцемъ!* — Кому же сей Свѣтъ не долженъ быть любезенъ? —- Есть-ли бы мы хотя мало отвѣдали онаго, — О кïотѣ свѣта святыя славы Отца Небеснаго! конечно твое блистанïе не сносно очамъ нашимъ, привыкшимъ ко тьмѣ! — то бы мы несомнѣнно не дали сна очамъ

нашимъ, пока бы дверь намъ не открылась, дабы можно было увидѣть, гдѣ имѣетъ селенїе свое Богъ Іаковль! — гдѣ Царствїе Божїе и Правда Его! — гдѣ Начало, глава и счастїе наше! — дабы можно было и о насъ сказать: *онѣмъ же отверзостеся очи, и познаста Его, — и Той не видимъ бысть има!* или сїе: *прїидоста же и видѣста, гдѣ живяше, и у Него пребыша день той.*

Антонїй. Какъ же это? — ты прежде говорилъ, что Священное Писанїе возводитъ на гору познанїя Бо-

жїя, а теперь называешь оное горою?

Квадратъ. Оное называется у Давида гора Божїя! — Да развѣ удивительно тебѣ, что горою возходятъ на гору? — Естьли путь ведетъ изъ рва на гору, то конечно первая часть онаго низка, но послѣдняя столько же высока, сколько и гора, на которую конецъ дороги поднимается. То же видѣть можно и на лѣвницѣ, приставленной къ высокому мѣсту; оная дольнею своею частїю принимаетъ дольныхъ или долинныхъ жителей, а гор-

няго возноситъ на высоту! — По сей же причинѣ, оное называется и крильями, и дверьми, и предѣломъ, и пристанью.

Антоній. По чему же стѣною и предѣломъ называется?

Квадратъ. Развѣ мало сего водится, что стѣна составляетъ предѣлъ, границу, раздѣляя наше собственное отъ чужаго; а сія, Богомъ созданная, стѣна по чему бы не могла назваться предѣломъ, когда оная граничитъ между Свѣтомъ и между чужестранною тьмою? — Сія

стѣна имѣетъ темную сторону ту, которая обращена ко тьмѣ: но обращенная къ востоку сторона ея, есть внутренняя, и вся позлащена Свѣтомъ Вышняго такъ, что естьли темный житель приходитъ къ ея дверямъ, съ наружи темнымъ, то не видитъ ни какой красы, и отходитъ на задъ, бродя во мракѣ; естьли же увѣруетъ, и, паче чаянія, отверзутся двери: въ то время, облиставшись Свѣтомъ Воскресенія, закричитъ съ Давидомъ: *Исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивилъ*

мя еси! — Нѣсть сіе, но Домъ Божій, и сія Врата небесная!

Антоній. По сему оное [Священное Писаніе] подобно лунѣ! — Когда луна между солнцемъ и землею, тогда одинъ ея полукругъ темный, а тотъ, что къ солнцу, свѣтлый.

Квадратъ. Сія посредственница похожа и на мостъ, дѣлающій сообщеніе между Богомъ и Смертными.

Антоній. Естьли сей чудный мостъ переводитъ Смертныхъ въ животъ, то достойно и праведно на-

зваться можетЪ и Воскре-
сенїемЪ!

КвадратЪ. АхЪ! сїя-то голубица есть точное Воскрешенїе мертвыхЪ человѣковЪ! — Она насЪ, низпадшихЪ долу отЪ горы, возноситЪ опять на ту же гору.

Лука. И я сЪ симЪ согласенЪ! — Сїе слово, *Воскресенїе*, значитЪ вЪ ГреческомЪ и РимскомЪ языкахЪ то, ежели падшаго *поставить паки на ноги*; голубица же по Еврейски называется *Іона*; да и БогЪ явно говоритЪ *Іеремїи*, что поставитЪ его на ноги, ежели

будетъ ему послушенъ. — Несчастное состоянїе сидѣть въ темницѣ и въ желѣзахъ, но еще и того несчастнѣе быть въ сообществѣ тѣхъ, которыхъ Павелъ пробуждаетъ: *возстани сляй, и воскресни отъ мертвыхъ!* — Разгони сонъ очей твоихъ, о несчастный смертный! — Мертвецъ, поднимись на ноги! — А вось уразумѣешь, что Христосъ есть Свѣтъ мїру! —

Другъ. Не могу больше молчать, услышавъ блаженнѣйшее и сладчайшее имя свѣтлаго Воскресенїя! —

Ибо подлинно сижу я и самъ съ прочими въ холодномъ смертномъ макѣ! — Но чувствую во мнѣ тайный лучь, тайно согрѣвающій сердце мое! — Ахъ! Памва! сохранимъ сію Божественную искру въ сердцѣ нашемъ! — Побережемъ оную, дабы прахъ и пепелъ гробовъ нашихъ не утушилъ оной: тогда что мы будемъ, какъ не одинъ прахъ! — Смерть огня истребить не можетъ! — Не спорю; но что пользы въ томъ, что имѣемъ плоть и кровь, когда должно опуститься онымъ

во изтлѣнїе? — Уже ли же тогда погибнемъ? Уже ли же мы не что иное, какъ мечта, сонъ, суета и смерть? — Премногобѣдственное убо наше состоянїе, ежели мы состоимъ изъ одного только тлѣнїя безъ вѣчности! — Ежели, кромѣ явнаго, не имѣемъ ни чего тайнаго, на которомъ бы существованїе наше, какъ на твердомъ основанїи, утверждалось! — Ежели всяческая суета суть, ежели каждый человѣкъ живущїй мертвъ есть: то подлинно теперь сильно царство твое, о горь-

кая смерть! — Не побѣдимая побѣда твоя, о Аде! — И что или кто можетъ противиться тлѣннымъ вашимъ законамъ, обращающимъ въ прахъ все безъ остатка? — Ахъ! бѣда, мятежъ, горесть, болѣзнь, погибель! — Слышите ли? понимаете ли, что ето за языкъ?

Памела. Господи! избави душу мою отъ устенъ не праведныхъ, отъ языка не преподобна, отъ человѣка не праведна! языкъ ихъ мечь остръ, гробъ отверстъ гортань ихъ!

Другъ. Вотъ точный ядъ аспидовъ, жало грѣховное, языкъ змїинъ, низводящїй Адама въ трудъ и болѣзнь! — Что намъ нашептала древняя злоба и прелесть! — Для чего ты очень высоко возносишь умирающую мертвенность? — И дряхлѣющую старость и тлѣющїй тлѣнъ? — Одна ли смерть царствуетъ, и уже ли нѣтъ живота? — Одна ли лесть безъ правды, злоба безъ благости, старость безъ юности, тьма безъ свѣта, и потопъ безъ суши? Да запретитъ же Господь

тебѣ, о потопный языче!! изблевающій рѣку водъ живыхъ, потопляющій младенцевъ Матери Сіонской, покрывающій мракомъ и облакомъ чернымъ, низводящій во адъ отъ Господа, на Котораго ты клевещешь съ гордостію, уничижая Царство и Правду Его, юность и вѣчность, новую землю и живый родъ! — Слушай же бѣсе нѣмый! языче глухій и пустый! — Понеже не признаешь ты пребыванія Господня, вѣруя, что одна только смерть вездѣ владѣетъ, и тѣмъ низво-

дишь все на все во адъ изтлѣнія: того ради знай, что новый и не тлѣнный Человѣкъ не точію попретъ тлѣнные твои законы, но, вооружась местію, до конца тебя разрушитъ, низвергнетъ тебя съ престола твоего, содѣлавъ тебя изъ головы ничтожнымъ хвостомъ! — Слушай Памва! что же ты молчишь? Вѣдь ты уже позналь путь твой? — Не шепчетъ въ твоемъ сердцѣ злый языкъ? Развѣ опять обновилась въ нутри твоемъ болѣзнь языка грѣшнаго? — Развѣ паки будетъ мечь душу твою?

— Видно, что для того молчишь, онѣмѣвъ и смирився, не говоришь добраго, и не спрашиваешь о мірѣ Іерусалимскомъ!

Памва. Давно уже тайный языкъ сей проклинаю въ сердцѣ моемъ!

Другъ. Да для чего ты явно не поешь, ежели ты дѣйствительно научился псалму Давидову? — Для чего во весь день не поешь со Исаіею пѣсни Возлюбленному твоему, — ежели далъ тебѣ Господь новыя уста? — Для чего не говоришь со Іереміею: *и отверзтая уста моя*

къ тому не затворятся? — Естьли согрѣлось сердце твое въ тебѣ, то долженъ ты въ поученіи твоемъ раздувать вѣчную искру Воскресенія, пока возгорится ярость блаженнаго сего пламени, и поястъ въ себѣ весь сопротивный тлѣнъ, пока наполнится огненная рѣка Божія, потопляющая и палящая нечестивыхъ! — Согрѣтое сердце есть *языкъ* огненный Святаго Духа, поющій новое на небеси и на земли чудо Воскресенія! — Не видишь ли, что во всѣхъ ветхое сердце, зем-

лянный языкъ? — Всѣ боязливы, печальны, не сыты, отчаянны, лишены утѣшенія Небеснаго Утѣшителя! — Коль же, на противъ того, мало тѣхъ, о коихъ сказано: *на стѣнахъ твоихъ, Іерусалиме, приставихъ я стража день и нощь, иже не престанутъ помышляюще Господа!* — Мало сыновъ Амосовыхъ, для утѣшенія людей Божіихъ! Не много Аввакумовъ, на стражѣ Божественной стоящихъ! — О всѣхъ можно сказать: мертвъ еси съ мертвымъ твоимъ сердцемъ! — же-

лѣзо пройде душу твою — сидишь во тьмѣ, лежишь во гробѣ! — О Божественная искра! зерно горчичное! сѣмя Авраамле! — Сыне Давидовъ! — Христе Іисусе! — Небесный и новый Человѣче! — Глава, сердце и свѣтъ всея твари! точка вселенїя, сила законовъ и Царство мїра! — Десница Божїя! — Воскресенїе наше! — Когда мы тебя уразумѣемъ? — Ты истинный Человѣкъ во истинной плоти! но мы не знаемъ такого Человѣка! [а которыхъ знаемъ, тѣ всѣ умираютъ! — Но истин-

ный Человѣкъ ни когда не умираетъ! — И такъ явственно, что мы ни когда не видали истиннаго Человѣка; ибо у тѣхъ, которыхъ знаемъ, руки, ноги и все тѣло обращается въ прахъ! — Но что свидѣтельствуетъ *камень* Священнаго Писанія: *не отемнѣста очи его, и не изтлѣста устнѣ его*?—Гдѣ же такій Человѣкъ? — Мы его ни когда не видали и не знаемъ, не разумѣемъ ни очей, ни ушей, ни языка! — Все то, что мы ни знаемъ, на сіе не походитъ. — Здѣсь говорится о безсмерт-

комъ Человѣкѣ, о не тлѣнномъ тѣлѣ: но мы, по сїе время, поняли одну грязь, и не видимъ ни чего такого, что бы не было порченное! — Или же, сидя въ грязи, и на оную надѣясь, содѣлались и сами подобными оной! — Имѣемъ очи тѣ, которыми ни чего не видимъ; ноги, ходить не могущїя, и таковыя жь руки, лишенныя осязанїя; языкъ и уши такого же сложенїя! — Вотъ какъ хорошо разумѣемъ, что такое есть Человѣкъ! Кто же изъ Воскресшихъ не скажетъ, что мы всѣ

тѣнь мертвая, — прахъ, вѣтромъ колеблемый? — И можетъ ли не чувствительная земля признать Невидимаго? —

Памеа. Скажи лучше по Давидову: *Егда изловѣстся тебѣ персть,* — бреніе и вода мимотекущая? — Всякая плоть, изъ стихій составленная, по естеству своему, есть ровъ страданій и темная бездна! — *Спаси мя,* вопіетъ Давидъ, *отъ бремени, да не углѣбну, и отъ водъ многихъ и глубокихъ!* — *Се мертвые возхвалятъ Тя!* —

Другъ. Отъ сего же то бренія и изводитъ насъ помянутая Царская Дщерь Давидова, чистѣйшая голубица и прекраснѣйшая Дѣва, одѣвъ насъ не бренными, но позлащенными въ междорамїи и посеребренными Духомъ Божїимъ крилами! — Сими окрилатѣвъ, возлетаемъ съ Давидомъ, и почиваемъ, бросивъ земнаго Адама съ его хлѣбомъ болѣзни; прелетаемъ сердцемъ къ Человѣку Павлову, къ Невидимому, къ Небесному, къ нашему миру! — не за моря и лѣса, не выше об-

лаковѣ; и не въ другихъ мѣстахъ и вѣкахъ! — Единъ Онъ есть во вѣки не проницаемъ! — Чрезъ помянутыя лѣсницы возходимъ въ самое средоточїе сердца нашего и души нашей, минуя всѣ бренныя наши и потопныя мысли со всею крайнею внѣшностїю плоти нашей, и оставя всю бурю и мракъ подъ ногами его! — Высокїй возходъ и изходъ къ животу! — ко Главѣ нашей, къ истинному Человѣку! — въ не рукотворенную скинїю, къ Его не тлѣнной и пречистой пло-

ти, которой земная наша храмина есть слабою тѣнїю и видомъ, въ разсужденїи Истины, сопряженной во едину ипостась, безъ слитїя естествъ Божїяго и тлѣннаго! — Сей-то есть истинный Человѣкъ, равный существомъ и силою предвѣчному своему Отцу, единъ во всѣхъ насъ, Его же царствїю нѣсть конца! — Сего-то Человѣка естьли ты уразумѣлъ, то и возлюбилъ, и самъ взаимно содѣлался Ему любезнымъ, — едино съ Нимъ такъ, какъ прилѣпившїйся бренїю и самъ есть землею, и

возвращается въ землю! — Но познавшій Нетлѣннаго, хотя и изшлѣвшаго, Человѣка, не умираетъ, и смерть надъ Нимъ не обладаетъ, но со своимъ Господиномъ [1], яко вѣрный слуга, вѣчно царствуетъ, *раздѣвшись*, какъ отъ обветшалой ризы, отъ земной плоти, и надѣвъ новую, сообразную его плоти, плоть, изнесетъ оную, получитъ, въ мѣсто земныхъ, скотскихъ рукъ, не тлѣнныя, а въ мѣсто таковыхъ же ушей, очей, языка и прочихъ всѣхъ членовъ, истинныя, со-

кровенныя въ Богѣ, какъ говоритъ Исаїя: *се Спаситель твой грядетъ, имѣяй съ собою мзду, воздаяй въ мѣсто желѣза серебро, въ мѣсто мѣди злато, полагаяй на основаніе твое камень шафиръ!* то есть, небесную, нерукотворенную храмину! — Да будетъ Богъ всяческая во всемъ твоемъ, а не мертвая земля и бреніе! — Кто любитъ истинный животъ, сїи блаженные дни, тому оные вдругъ, какъ молнїя, дадутся: только удержи языкъ твой и устнѣ твои отъ зла! —

О злый языче! о главо змїйна! — О начало горестныхъ дней! — Ты всѣхъ изъ рая изводишь, всѣхъ въ бездну потопляешь! — Кто дастъ на сердце наше раны и на помышленїя наша наказанїя Премудрости! — Иначе не льзя намъ не пасть! — Къ тебѣ прибѣгаемъ, о гора Божїя, купина не опалимая! свѣщниче златый, Святая Святыхъ, ковчеже Завѣта, Дѣво чистая! — и по рождествѣ твоемъ, ты одна и раждаешь и дѣйствуешь! единое святѣйшее Сѣмя твое, Единъ Воскресшїй и

Воцарившійся можетъ стереть главу зміеву, языкъ, поношающій Господеви!

Антоній. Естьли Священное Писаніе есть сладкая гусль Божія, то не худо естьли бы кто повеселилъ нашу компанію, поигравъ на семъ инструментѣ хотя не много.

Лука. Я въ томъ согласенъ съ Антоніемъ, и о томъ же прошу!

Квадратъ. Не поперечу и я доброму согласію вашему, и о томъ же прошу!

Другъ. Слышишь ли, Памва! — Принимайся за гусли! Ты долго учился Давидо-

вой пѣсни! — Въ десять лѣтъ можно пріучиться сколько ни будь.

Памва. Ахъ! что мнѣ въ жизни пріятнѣе быть можетъ, какъ пѣть возлюбленному моему Человѣку! — Но боюсь, чтобъ не порознить голосовъ! — Страшитъ меня сынъ Сираховъ сими словами: *глаголи, Старѣйшино! и не возбрани мусикіи!*

Другъ. Пой и воспой! не бойся! будь увѣренъ, что сладка Ему будетъ бесѣда наша! —

Памва. Что же присладитъ оную, естьли я не искусенъ? —

Другъ. Присладитъ то, что дѣлаетъ отцу пріятнымъ малолѣтнаго сына, — не правильное лепетаніе словъ, или худое играніе на арфѣ. — Развѣ ты позабылъ, что искуство во всѣхъ Тайнахъ священныхъ инструментовъ, безъ любви, не стоитъ ни полушки? — Не слышишь ли Давида? *возлюбите Господа!*—А потомъ что? — *и исповѣдайте, хвалите и превозносите любленіе Господа!* Преславная глава Прему-

дрости! — Что нужды въ прочемъ! — Пой дерзновенно! — Но какъ въ свѣтской музыкѣ одинъ тонъ безъ другаго не можетъ показать согласнаго основанія, а пріобщеніе третіяго голоса дѣлаетъ музыку совершенною, которая вся состоитъ въ трехъ голосахъ, согласныхъ между собою: — такъ точно и въ Давидовыхъ гусляхъ, одна струна сомнительна, ежели оной не согласишь съ другимъ стихомъ; а при троихъ свидѣтеляхъ всякій глаголъ совершенно уже утверждается! — Воз-

кликнемъ убо Господеви въ гуслѣхъ! — Вооружимся согласїемъ противъ проклятаго языка, врага Божественному нашему Человѣку! — А вось, по крайней мѣрѣ, изъ нашей Компанїи выгонимъ сего нечестиваго духа!

Когда же Собранїе, повеселившись мусикїйскимъ согласїемъ духовныхъ пѣсней, готово было развитися, въ то время *Другъ* началъ къ оному

СЛОВО

О познаніи себя самаго въ существѣ:

Какъ познаніе себя есть высочайшее просвѣщеніе, такъ на противъ того незнаніе самаго себя есть крайнее невѣжество и несчастіе. — Ибо, какъ Гермесъ говоритъ къ своему сыну „незнаніе се„бя есть лютѣйшій врагъ и „мститель во внутренности „носящаго его. — Горе тебѣ, „человѣче! иже не радиши о „ввѣренномъ тебѣ талантѣ, „и не печешися объ изкопа-

„нїи сокровища въ тебѣ, яко „сосудѣ скудельнѣ, сокрыта„го! — Ты не видишь, что „въ тебѣ Богъ, его же мiръ „не видитъ, нижѐ прiяти „можетъ, къ намъ же онъ „ближе, нежели мы сами „къ себѣ„ —. Ибо Духъ Божїй обитаетъ въ сердцахъ нашихъ (*). По сему нѣтъ ничего лучше сего Божественнаго изреченїя: *знай себя!* Агриппа весьма справедливо

(*) Зри къ Корине. посланїе 2, глав. 4, ст. 7. — Iоанна гл. 14, ст. 17. — Къ Корине. посл. 1, глав. 3, ст. 16, и глав. 6, ст. 19.

говоритъ, что нѣтъ лучшаго пути къ Мудрости, и слѣдовательно къ Блаженству, какъ познаніе самаго себя. Поелику человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ вещи и силы, да съ верьхъ того, образъ своего Творца; по чему всѣхъ вещей, силъ и самаго Творца познаніе должно начинать отъ самаго себя такъ, чтобъ человѣкъ, созерцая себя въ себѣ же самомъ, яко въ нѣкоемъ зерцалѣ, видѣлъ все духовное и вещественное; а кто самъ себя не знаетъ, то ни о чемъ не можетъ имѣть истиннаго и существеннаго познанія; но по подобію ско-

товъ, все его познанїе пребудетъ тщетнымъ; ибо ни какое познанїе не остается вѣчно въ душѣ, кромѣ того, которое во внутренности нашего духа существеннымъ познанїемъ получено; внутреннее же и существенное познанїе не приходитъ ни отъ плоти, ни отъ крови, ни отъ долговременнаго чтенїя книгъ, ни отъ множества опытовъ и отъ долготы дней, но отъ дѣйствїя Божїя на сердце; не ученїемъ, но наитїемъ Духа Святаго, человѣческїй разумъ приходитъ къ истинному просвѣщенїю. — Ко всему же сему

путь есть познанïе и исправленïе своего сердца, чрезъ которое доходимъ мы къ познанïю своего существа. Ибо мы сотворены изъ всего, и все въ себѣ носимъ. — Мы сотворены, по образу Божïю, отъ Бога. Но какъ паденïемъ нашимъ въ Праотцѣ Адамѣ помрачился въ насъ Божескïй образъ: то, по очищенïи себя отъ грѣховъ, оный паки возсïяваетъ. Мы родимся съ познанïемъ всего, и в нутри духа наше о сокрыто все: надобно только возбудить его отъ сна, въ которомъ мы чрезъ преступленïе такъ уснули, что ни

видимЪ, ни ощущаемЪ, ниже вѣримЪ, чтобы толикїя блага вЪ насЪ были, каковыя мы дѣйствительно имѣемЪ. Ибо человѣческїй духЪ, какЪ сказалЪ ФилософЪ ПлатонЪ, еще до соединенїя сЪ тѣломЪ, преизполненЪ всякихЪ познанїй: но будучи угнѣтенЪ плотїю, тлѣетЪ, какЪ огнь подЪ пепломЪ, пока на конецЪ будетЪ вЪ состоянїи совершенно открыться. Да и по справедливости естьли бы сокровище небесныя и земныя Мудрости не было уже вЪ насЪ сокрыто: то конечно бы не велѣлЪ ХристосЪ намЪ искать вЪ себѣ

онаго, и мы бы не могли обрѣсти, чего не дано. И такъ, когда мы себя въ обоемъ свѣтѣ, то есть, по духу и веществу, узнали: то за помощїю Божїею вошли въ отверзтую намъ дверь, отверзли толкущему при дверяхъ нашего сердца Богу, по слову: *Се стою при дверехъ и толку! аще кто отверзетъ двери, внидy къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со мною.* — И такъ начавъ вести свою жизнь по волѣ Божїей, имѣемъ все нужное къ сей и вѣчной жизни и Премудрости.

Изъ сего познанїя самаго себя произходитъ такъ же не посредственно и познанїе Бога; ибо человѣкъ есть образъ Божїй. — По чему, кто не знаетъ себя, тотъ не знаетъ Бога; незнанїе же Бога есть источникъ зла и корень всѣхъ пороковъ; на противъ того, познавать и любить Начало всѣхъ вещей, Бога, есть высочайшая добродѣтель, мудрость и благо, какъ то самъ Спаситель нашъ говоритъ: *Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Его же послалъ еси, Ии-*

еуса Христа! (*) то есть, да знаменается Пресвятая Троица въ сердцѣ вѣрующаго! — и сїе-то познанїе даруетъ человѣку жизнь вѣчную: но достигать онаго не иначе можно, какъ изполненїемъ Христїанскаго Закона! — Ибо таковые усыновляются Богу; усыновленные же познаютъ Его, и дѣлаются храмомъ Его, къ своему блаженству и жизни вѣчной. — И такъ Христосъ есть единственный путь ко всему, и какъ чрезъ познанїе видима-

---

*) Зри Іоанна гл. 17, ст. 3.

го міра достигаемъ до познанія невидимаго Строителя онаго: такъ изъ видимаго Христа, или Его ученія и жизни, научаемся познавать Его Отца; а какъ ни кто же пріидетъ къ Сыну, токмо слушаяй и наученъ Отцемъ, то и истиннаго познанія міра ни кто не достигнетъ, кромѣ наученнаго Богомъ.

По сему-то Языческія писанія о Природѣ, по большей части, ложны; слѣдовательно тщетно было бы искать живыя Истины у тѣхъ, которые сами ее не имѣли, и почти имѣть не могли! *Не*

у бо бѣ Духъ Святый! (*) — Истинная же Мудрость произтекаетъ отъ Бога, и обращается къ Нему, Который, яко солнце, сїяя въ Священномъ Писанїи, оживляетъ сїе благословенное сѣмя, посѣянное въ сердцахъ нашихъ, и возрожденїемъ возставляя его изъ тлѣнїя, приводитъ въ совершенство.

Словомъ, къ совершенству всѣхъ Познанїй необходимо взыскивается Возрожденїе, и истинная Философїя должна основана быть на краеуголь-

(*) Зри Іоанна гл. 7, ст. 39.

номѣ камнѣ, иже есть Христосѣ!

По чему мы всегда не справедливо дѣлаемѣ, предпочитая иногда Языческія мнѣнія Христіанскому Ученію! ибо одни Христіане, имѣя вѣ себѣ Божеское сѣмя Мудрости чрезѣ Возрожденіе, котораго Язычники не имѣли, могутѣ истинно мудрствовать, будучи вѣ состояніи, по наитіи Духа Святаго, учиться у самаго Бога. Кратко сказать, вѣ познаніи Бога, яко сокровищницѣ всего міра, лежитѣ все такѣ, что безѣ сего ни кто не внидетѣ вѣ жизнь вѣчную!

Ибо за познанїемъ Бога слѣдуетъ Вѣра, Надежда и Любовь; за Любовїю прилѣпленїе, за прилѣпленїемъ слѣдуетъ соединенїе, а въ соединенїи состоитъ все Блаженство и Мудрость.

Сїе Возрожденїе, сокрывъ въ своей груди всѣхъ временъ Чистые сердцемъ, жившїе до воплощенїя сына Божїя, узнали гораздо лучше, нежели теперь премногїе, такъ называющїеся, Христїане, которые, не любя и не слѣдуя Богу, хотятъ Его знать.

Кто основательно познаъ самаго себя, тотъ познаъ

вѣ себѣ все. — Таковый, будучи между временемѣ и вѣчностїю, созерцаетѣ надѣ собою вѣчнаго Бога, пылая кѣ Нему не изреченною любовїю; около себя видитѣ своихѣ сверстниковѣ, Ангеловѣ, отѣ которыхѣ онѣ рознится только тѣломѣ и будущимѣ судомѣ; подѣ собою видитѣ великїй мїрѣ, инако вещественный, со всѣми тварями онаго, которыхѣ сокращенїе есть его тѣло!

Такимѣ образомѣ, человѣкѣ, будучи поставленѣ посредѣ духовнаго и вещественнаго мїра, можетѣ, за содѣйствїемѣ Благодати, или

возвыситься и преобразиться во Ангела, или, по естественному своему произволенію, опускаяся на низъ, содѣлаться скотомъ и несчастнымъ, какъ то и случилося съ нашимъ Праотцемъ, который, пренебрегши Божію заповѣдь, обратился отъ средины самъ къ себѣ, и, къ своей пагубѣ, узналъ свое ничтожество, и такимъ образомъ драгоцѣннѣйшій даръ, свободу, изъ спасительныя содѣлалъ для себя вредною. Онъ, будучи не доволенъ своимъ жребіемъ, по примѣру Люцифера или Денницы, возхотѣлъ быть Богомъ, и

вдругѣ изѣ Рая изверженѣ вѣ плачевную бѣдѣ и невѣжества юдоль! — чѣмѣ получилѣ познаніе добра и зла! —

Но обращаясь кѣ нашему предмету, скажемѣ, что человѣкѣ есть связь міровѣ, послѣднее и удивительное твореніе Божіе; онѣ сотворенѣ послѣ всего изѣ персти, или такѣ сказать, извлеченѣ и созданѣ изѣ самой тончайшей сущности неба и земли.

И по сему Святый Назіанзинѣ о сотвореніи человѣка говоритѣ: человѣка со„творилѣ Богѣ послѣ всего, „дабы вѣ немѣ, яко нѣкоемѣ „зерцалѣ, изобразить все со-

„кращенно, что шестїю день-
„ми создалъ въ простран-
„номъ видѣ, то есть, свой-
„ства и силы великаго мїра!
—„ Ибо какъ всякая рѣчь
составляется изъ буквъ и
слоговъ, такъ и Микрокозмъ,
или малый мїръ, персть
земли извлечена была изъ
всего сотвореннаго.

Премудрый Зиждитель
взялъ, такъ сказать, изъ
всѣхъ тварей самую сущ-
ность, и изъ оной создавши
человѣка, вся покори подъ
нозѣ его. По чему всѣ тва-
ри и имѣютъ къ нему от-
ношенїе, яко къ своему Ца-
рю, и не только видимый

мїрЪ, но и всѣ вышнїя сферы на него, яко средоточїе свое, изливаютЪ свои блага! — и онЪ есть средоточїе и кругЪ; по елику содержитЪ [ежели можно такЪ сказать] вЪ себѣ всѣ твари и всѣ излїянїя сЪ собою возвращаетЪ кЪ Источнику вѣчности; отЪ Котораго они вЪ Началѣ произтекли.

БогЪ открылЪ себя вЪ творенїи, а вЪ человѣкѣ не только себя, но и все творенїе изобразилЪ.

КакЪ творенїе, или великїй мїрЪ, есть двойственный, видимый и невидимый: такЪ и малый мїрЪ, или

человѣкъ, есть двойственный же, видимый по тѣлу, а не видимый по духу.

Но духъ въ немъ такъ же двойственный! — одинъ отъ тверди, то есть, звѣздный духъ, или душа, каковою одушевлены всѣ животныя; а другїй вдуновенный отъ Бога, или разумный.

И такъ человѣкъ имѣетъ три части: смертное тѣло, душу и вѣчный духъ, который есть образъ Божїй и храмъ Духа Святаго.

Ежели человѣкъ живетъ по собственной своей волѣ, или по плоти и крови: то онъ есть скотъ, и Физїогно-

мы весьма справедливо сравнивают такихъ людей, по различнымъ ихъ свойствамъ, съ разными животными.

Ибо они и въ Священномъ Писанiи стоя́тъ иногда подъ именами волка и лиса, а иногда свинiи и порожденiя ехиднина (*).

Ежели человѣкъ живетъ по разуму, или по духу, тогда онъ есть истинный Человѣкъ, и обладаетъ ско-

---

(*) Зри Луки гл. 13, ст. 32. — И Матѳея гл. 7, ст. 16, и главу 23, ст. 33.

тами, или скотскими свойствами въ своемъ тѣлѣ.

А естьли человѣкъ, узнавъ въ себѣ свойство образа Божія, живетъ по уму, сердцу, иначе по Духу Божію, по древу жизни и сокровищу не тлѣнному, хранящемуся въ немъ, яко сосудѣ скудельномъ: то онъ повелѣваетъ звѣздамъ и всѣмъ тварямъ.

Человѣкъ заключаетъ въ себѣ все, и все съ собою носитъ. Онъ произведенъ изъ міра, и оный въ себѣ носитъ. Ибо какъ первое вещество, не устроенная сущность, хаосъ [1], былъ сѣме-

немЪ великому міру: такЪ великій мірЪ былЪ сѣменемЪ Адаму.

Понеже, какЪ мірЪ былЪ сокровенЪ вЪ водахЪ, яже надЪ бездною: такЪ и АдамЪ, можно сказать, лежалЪ сокрытЪ вЪ мірѣ.

ИзЪ перваго существа сотворенЪ мірЪ, а изЪ міра человѣкЪ. Подобно какЪ древо растетЪ изЪ сѣмени, и сѣмя есть начало и конецЪ онаго; ибо вЪ каждомЪ сѣмени древа лежитЪ сокровенно другое древо: такЪ и первое вещество, называемое отЪ Парацельса *лимбомЪ изЪ земли Слова Господня*, было

сѣменемъ всего сотвореннаго.

Человѣкъ же былъ послѣднимъ и совершеннѣйшимъ творенїемъ и вмѣстилищемъ всея Селенныя.

Человѣкъ состоитъ изъ плоти и крови, души и духа. Но какъ онъ состоитъ изъ двоякаго и со всѣмъ несходнаго существа: то его изъ двоякаго и свѣта надобно разсматривать, или по двумъ его Отцамъ, такъ сказать.

Первый его Отецъ, по духу, есть Богъ, а другїй, по тѣлу, есть великїй мїръ, или персть земли, таинство и

сущность всѣхъ вещей драгоцѣннѣйшая.

Въ человѣкѣ нѣтъ ни одного члена, который бы не соотвѣтствовалъ чему ни будь въ природѣ вещей. Видимое тѣло, или домъ, имѣетъ онъ отъ стихій, а не видимое тѣло, или одѣяніе души, посредствомъ котораго она соединяется съ видимымъ своимъ грубымъ тѣломъ, имѣетъ она тонкое, отъ тверди небесныя.

Подобно какъ солнце проходитъ своимъ свѣтомъ сквозь стекло, такъ планеты вливаютъ всѣ свои силы въ человѣка, — и такимъ обра-

зомъ, по звѣздному духу, мы можемъ научиться всему естественному.

Разумную душу, или духъ, человѣкъ имѣетъ отъ Бога, и ею съ небеснымъ своимъ Отцемъ соединенъ. Понеже Богъ живетъ въ насъ Своимъ Духомъ (*), отъ котораго можемъ научиться Священной Богословїи и всѣмъ небеснымъ и земнымъ таинствамъ не ложно.

Какъ Богъ есть единъ по существу, а тройственъ въ разсужденїи лицъ: такъ че-

(*) Іоанна посланїе 1, глав. 2, ст. 27.

ловѣкъ есть единъ въ лицѣ, а тройственъ по существу, то есть, по земному тѣлу, по душѣ и по духу.

Такимъ образомъ человѣкъ есть тройственнымъ престоломъ Тройческому Богу, какъ сїе свидѣтельствуетъ Священное Писанїе (*), самое удивительное согласїе Творца съ творенїемъ, въ которомъ Премудрость Его благоволила открыть вездѣ Пресвятую свою Троицу, да

(*) Къ Солуняномъ глав. 5, ст. 23, Къ Коринѳ. посл. 1, глав. 2, ст. 14.

съ верьхъ того и единодушное согласіе всѣхъ истинно философствующихъ по свѣту Природы.

Для сомнѣвающагося о Троицѣ въ человѣкѣ нужно непремѣнно выразумѣть: *первое*, что человѣкъ созданъ изъ персти земныя словомъ, *да будетъ!* — *второе*, что человѣку вдунуто было изъ устъ Всевышняго дыханіе жизни.

Персть же оная есть двоякая, видимая и не видимая. — Видимая есть тѣло человѣческое, а не видимая жизнь звѣздная, или душа, которая дѣйствуетъ въ тѣлѣ день и

ночь такЪ, какЪ вЪ ней живетЪ и дѣйствуетЪ ДухЪ Господень, Слово Божїе.

ТакимЪ-то образомЪ человѣкЪ есть образЪ вѣчнаго Бога и великаго мїра, и слѣдовательно вЪ немЪ находятся и всѣ мїры, которыхЪ считаютЪ истинные Любомудры три; самЪ же человѣкЪ названЪ отЪ нихЪ четвертымЪ и вмѣстилищемЪ всего того, что находится вЪ прочихЪ трехЪ.

ЧеловѣкЪ, будучи истиннымЪ МудрецомЪ, не уступаетЪ АнгеламЪ, яко обладатель, можно сказать, всѣхЪ вещей. — Имѣя же бренное

свое тѣло отъ стихїйнаго мїра, какъ бы составляетъ стихїйный мїръ. — А по сему и имѣетъ онъ сообщенїе со всѣми тремя мїрами, то есть, Божескимъ, Ангельскимъ и стихїйнымъ, самъ собою составляя четвертый мїръ совокупно.

И такъ по сему человѣкъ, будучи соединенъ тройственнымъ узломъ Вѣры, Любви и Надежды съ Предвѣчнымъ Началомъ своимъ, можетъ всякїя чудеса творить, какъ о томъ самъ Христосъ говоритъ: *„Вѣруяй въ Мя, дѣла, яже „Азъ творю, и той сотво„ритъ, и большая сихъ со-*

„*творитъ*„ —; ибо вѣрою соединяемся съ Богомъ. (*)

Такъ же человѣкъ можетъ имѣть сообщенїе съ Ангелами, по своему не видимому, совершенно съ ихъ сходному, существу. По звѣзднымъ влїянїямъ на его существо сїе, онъ предузнаетъ будущее, прелетаетъ изъ края въ край Селенныя, и обозрѣваетъ въ сонныхъ, или изступленныхъ, видѣнїяхъ настоящїя, удаленныя величайшимъ разстоянїемъ отъ него, дѣянїя; предчувствуетъ радостныя, или печальныя,

---

(*) Къ Ефесеемъ посл. глав. 3, ст. 17.

для себя событїя, и тако соединяется съ Ангелами.

Со стихїйнымъ же мїромъ человѣкъ имѣетъ сообщенїе по своему смертному тѣлу, и хотя мрачныя стихїйныя силы производятъ въ немъ непрестанную брань съ духомъ; но онъ, управляя свой разумъ по закону Божїю, можетъ оныя, какъ бы цепью, обуздывать. — Съ животными же, растѣнїями и минералами человѣкъ имѣетъ сообщенїе, по тому, что всѣхъ ихъ природу и свойства въ тѣлѣ своемъ заключаетъ. — И симъ-то связуется или сообщается стихїйному или вещественному мїру!

Убо человѣкъ есть творенїе пресовершенное, чудо Природы, удивительное извлеченїе и ядро четырехъ стихїй, премудрое строенїе и совершеннѣйшїй образецъ мїра! — Онъ единъ столь великъ, что имѣетъ сношенїе со всѣми сферами мїровъ, и, что еще больше, можетъ средствомъ *Возрожденїя* паки достигнуть соединенїя съ Богомъ.

Для человѣка есть наука человѣкъ — Попъ. Оп. о Чел.

Конецъ третьей части.

1310
1290

ГПБ Русский фон
18.112.5.50